

СТАНИСЛАВ РЕМ

БОГИ НЕ
ИГРАЮТ В
КОСТИ

QUID OBSCURUM

Станислав Рем

Боги не играют в кости

«Автор»

2017

Рем С.

Боги не играют в кости / С. Рем — «Автор», 2017 — (QUID OBSCURUM)

Боги не играют в кости (первая книга научно-фантастической трилогии QUID OBSCURUM). Сравнительно недалёкое прошлое Земли, пятнадцать тысяч лет назад. Место действия – современный Дальний Восток. Только ничего современного. Вместо тайги – тропические леса. На территории будущей Амурской области произрастают платаны, а за первобытными людьми охотятся плотоядные ящеры – динозавры... А за первобытными ли? К Земле стремится космический корабль с новой партией исследователей третьей планеты Солнечной системы. На орбите Земли кружится космическая станция. А наша родная планета видится из космоса совсем иначе, нежели мы привыкли... Роман основан на научных гипотезах альтернативной истории (вторая составляющая романа: конференция, посвящённая прошлому Земли), как отечественных (А. Ю. Скляров, А. Жуков и др.), так и зарубежных авторов (Э. фон Деникен, М. Кремо, Дж. Кеньон и др.) связанных с прошлым нашей планеты, с так называемыми «працивилизациями». В романе использованы материалы Лаборатории альтернативной истории А. Ю. Склярова, научные гипотезы американского исследователя Джона Хэндersona, японского учёного Кацуфуми Сато, российских палеонтологов Ю. Болотникова, С.М. Синицы и других.

© Рем С., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Пролог	5
До и после Р. Х.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Станислав Рем

Боги не играют в кости

Ивану Антоновичу Ефремову посвящается

Quid obscurum, Quid divinum!

/Нечто неизвестное, Нечто божественное /

«Квантовая механика действительно впечатляет. Но внутренний голос говорит мне, что это ещё не идеал. Эта теория говорит о многом, но, всё же, не приближает нас к разгадке тайны Всевышнего. По крайней мере, я уверен, что Он не бросает кости»

Альберт Эйнштейн

Пролог

1943 год, Июль. Курская дуга

А знаменитый курский соловей заливался всем смертям назло! И как заливался, подлец, с души воротило.

Механик – водитель Меньшов, лёжа на спине, не открывая глаз, в темноте нащупал камень, с силой швырнул его в ветки деревьев, из которых доносилась звонкая трель

– Что б тебя....

– Гришка, ты чего? – сержант Митюхин, радист – пулемётчик, с укоризной толкнул локтём боевого товарища. – Для нас старался.

– А мне нужны его старания? – Матюкнулся водитель. – Мне выспаться надо! За двое суток часов шесть только и соснул. А тут этот...

– Вот ведь... – Митюхин приподнялся на локте, кулаком поправил вонючую, пропитанную запахом нефтепродуктов телогрейку, которая заменяла подушку. – Паскудная ты личность, Григорий Нефёдыч. В кои веки божья тварь решила порадовать, в том числе и твою сыромяжную персону, шалопаю эдакого, своим пением, можно сказать, одарила божьим даром, может быть, так сказать, в последний раз в твоей никчемной жизни, а ты...

– Типун тебе на язык, трепло доморощенное. – Без всякой обиды отозвался механик. – Спи давай. А то сейчас я тебя кое-чем другим одарю. Завтра тяжёлый день.

– А когда он у нас был лёгкий? – Философски заметил сержант, переворачиваясь на бок. – Кузьма? – Башенный стрелок отозвался посапыванием. – Вот, даже Кузя своим глубокомысленным молчанием подтверждает: не было у нас таких дней. И, кажись, в ближайшее время, не предвидится. Да и после тоже. А вот скажи мне, Григорий Нефёдович, о чём ты мечтаешь? А?

– Отстань.

– Уходить от ответа – не по-джентельменски.

– Щас по котелку заряжу, и станет как надо.

– Аргумент принят. Вопросов больше не имею. Хотя, лично я, к примеру, мечтаю о трёх вещах.

– О каких? – Меньшов зевнул. – Выспаться, пожрать и бабу?

– Примитивное ты существо, Нефёдыч. – Стрелок снова лёг на спину, повозился, устраиваясь. Чертыхнулся. Матюкнулся. – Я тебе о прекрасном, а ты...

– А я что? Я ничего. Нормальные мечты. Человеческие. Сам об этом частенько думаю. А ты, что, так бы взял, и отказался от яшенки?

– Со шкварками?

– Со шкварками!

– Под стопочку?

– Под холодненькую! Да с чёрным хлебом, чтобы сольцой по нему чуток присыпать. И лучок, прямо с грядки. – Механик забыл про сон: рот слюной наполнился. – А по центру стола – чугунок, с картошечкой. Разваристой! И ещё сальце, с прослоечкой, тонкими-тонкими листочками, на тарелочке.

– А в стопочку самогончики?

– От чего ж? Можно и казёнки.

– Тьфу на тебя, Григорий Нефёдыч. Всю прелесть нарисованного пейзажа испортил. Я же говорю: примитивное ты существо, Гриша.

– А в ухо?

– О, ещё одно подтверждение поставленного диагноза. И сволочь последняя, Меньшов. Всю душу разбередил своими картинками.

– Сама напросилась. – Водитель тяжело вздохнул. – Теперь точно, не усну. И этот гад петть перестал... Ну, ладно... Давай, травы, о чём там мечтаешь. Может, под твои побасенки при-
корну.

– Желалка пропала с тобой общаться.

– Э, давай гутарь! Чего ты там хочешь?

– Не хочу, Гриша, а мечтаю! А сие есть две разные вещи: хотеть и мечтать.

– Ну?

– Подкову гну!

– Да ладно тебе. – Меньшов ткнул локтём друга в бок. – Давай!

Стрелок пару секунд помолчал, закинул руку за голову:

– Во-первых, мечтаю о победе.

– Тоже мне мечта. – Водитель пошарил рукой вокруг себя, сорвал стебелёк, сунул в рот. – И так ясен пень, победим.

– Не, я не о том мечтаю. Не о победе вообще, так сказать, в целом. А о себе и победе. Чтوب, понимаешь, въехать в Берлин, на нашей «Варваре». Траками проутюжить их вонючие, берлинские улицы. Гитлеру дать пинка, хоть и понимаю, что мне этого не позволят, а всё одно мечтаю. Хочется взглянуть на то место, откуда ента гниль, с которой завтра будем беседовать, пошла.

– И всё?

– Что всё? Это только первая мечта. Вторая, купить светло – кремового цвета костюм. Водитель с силой хлопнул себя по щеке: убил комара.

– Зачем кремовый? Кремовый – маркий, быстро пачкается. – Веско аргументировал умудрённый жизненным опытом Меньшов.

– Понимаешь, Гриша, кремовый – цвет мужской чистоты. Никогда не задумывался, почему на свадьбу одеваются во всё светлое? То-то! Истосковалась моя нежная душа по чистоте. Хочется надеть нечто такое, чтобы не было видно ни единого пятнышка. И чтобы солярой от него не несло за километр. И чтобы бабы, пардон, женщины нос не воротили от ентого запаха. И покурить можно без огнетушителя.

– Ты палку-то не перегибай. – Вот теперь действительно обиделся механик. – У нас чисто и культурно. И не воняет ничем. А соляра... Она пахнет.

– Для кого пахнет, а для кого воняет.

– Сам ты... Воняешь! – Меньшов обиженно развернулся к другу задом.

– Вот и вся твоя аргументация, Гриша. Эх, жаль Кузя сопит в обе свои дырки, а то бы мы с ним прочитали тебе лекцию дуплетом о правах и обязанностях каждого члена экипажа.

– Я за машиной слежу. – Меньшов с яростью принялся бить телогрейку. – И за движком тоже.

– Ладно, не обижайся. А всё-таки, согласишься, в светлом костюме приятно пройтись. По набережной. С видом на море.

– Я море не видел. У нас в деревне речка. Сонюха.

– Ну, или вдоль речки. А что? Представь, Гриша... Ты, весь в светлом, на берегу вашей Сонюхи... Лето. Жара. А ты светлом. Пиджак висит на руке, полусогнутой в локте. И пиджачок висит так, чтобы все заслуженные тобой в боях ордена и медали, в глаза били. Брючки отутюжены. На ногах начищенные штиблеты, а не сапоги. Причёсочка – волос к волосу. И одекколоном разит.... Все цветочки – лютики вокруг вянут. От зависти. Да все девки во всех близлежащих деревнях, включая соседнюю волость, твоими будут.

– Эт точно... – С удовольствием крякнул механик-водитель. – От же... Ажно колючки по телу.... А какая третья мечта?

– Просьба окружающим – не ржать.

– Давай, давай, сказочник...

– Я ведь и обидеться могу.

– Ладно, трепи дальше.

– А третья мечта: полететь к звёздам.

– Куда?

– К звёздам.

– Полететь?

– Ну, да.

Механик прыснул в зажатый ладонью рот.

– Ну, трепло, ну, трепло....

– А что? – В голосе стрелка, на этот раз, послышались серьёзные нотки. – Что смешного? Человек ведь когда-то должен туда полететь? Должен! Вон, видал, как «катюша» шпарит снарядами! А если такую болванку запустить на небо? То-то! Так что, в скорости, человека точно туда, к звёздам, запугают. Верно тебе говорю! А почему там, в той болванке, должен быть не я, а кто-то другой?

– Потому, что ты трепло! – Веско заметил Меньшов. – Чтобы лететь туда, – механик вскинул руку к звёздному небу, – нужно быть человеком с большой буквы. Образованным, грамотным, опять же, не брехливым. А ты не по одной графе не проходишь.

– У меня девятилетка!

– Ну, девятилетка... Это конечно, здорово. В моей Сосновке ты бы был солидным человеком. Только вот полететь туда, – механик снова указал пальцем в звёздное покрывало, – твоих девяти классов точно не хватит.

– А я институт закончу.

– Какой? Бреховецкий?

На этот раз не сдержался стрелок.

– Да пошёл ты...

– А чё сразу пошёл? Чё от разговора уходишь? Раз начал – продолжай! Вот что ты умеешь? Вот скажи, после школы куда ты свои стопы направил?

– Ну, на стройку. Каменщиком. – Неохотно признался стрелок.

– О! А опосля?

– Армия. Война. Да ты и сам знаешь. Я с сорок первого...

– Нет, тут ты, конечно, герой. Ничего не скажу. Но вот насчёт того, чтобы туда.... Трепло!

– Да иди ты.... – В голосе Митюхина послышались обидные нотки. – Темнота и есть темнота. Одно слово: деревня! Человечество испокон, можно сказать, веков только и мечтало о том, чтобы там побывать. Ну, разве что кроме вот таких, как ты. Которые только мешали.

– Вот так вот сразу и мешали?

– Именно!

– И с чего это я мешаю?

– С того! Чуть что – сомневаются они! Что не сделаешь, всё не так. В самих мечты нет, и в других её морят. Вот из-за таких, как ты, сомневающихся...

– Слушай, чё ты ко мне прицепился?

– А то! Життя с вами нету!

– А с тобой есть?

– А со мной есть!

– Ну да, конечно.... Как всегда. Кто усрался? Невестка.

– Да пошёл ты....

– Сам иди....

Командир танка, младший лейтенант Зимин, под впечатлением разговора подчинённых, тоже перевернулся на спину, уставился в небо. В ту жаркую, июльскую ночь, оно под Курском было чистое, прозрачное, звёздное. Глаза привычно нашли ковш Большой Медведицы, Малую Медведицу, созвездие Кассиопеи. Чуть повернул голову в бок: Луна, в сравнении далёкими, холодными звёздами, не казалась точно таким же далёким, холодным, небесным телом. Скорее наоборот, воспринималась как своё, родное, привычное, близкое.

Лейтенант попытался пронзить небо взглядом. Как, некогда, в детстве. Прищурился, сконцентрировался. Взгляд устремился вдаль. К самой верхней звезде в W – образном созвездии Кассиопеи. На миг показалось, будто смог пронзить вакуум пустоты, проникнуть во Вселенские просторы. Вот, он проносится силой мысли сквозь пространство, звёзды всё ближе, ближе...

Вдруг, из неоткуда, из пустоты, перед глазами танкиста возникла светящаяся воронка, которая, спустя секунду, стала засасывать молоденького командира в себя. И, что самое странное, не было, никакого желания к сопротивлению. Зимин, подсознательно, понимал: это сон. Он спит, а воронка снится. Но сон оказался какой-то странный. Почему воронка? Зачем, для чего? Впрочем, все вопросы вскоре забылись. Даже стало любопытно, а что там дальше, за узкой горловиной? Куда упадёт? А, может, не упадёт, а взлетит? От подобной мысли дух захватило.

Впрочем, никакого полёта, или падения не произошло.

Зимин парил. Парил над предрассветным полем, которое, с высоты, казалось ровным, голым, осиротевшим. С одного края его омывала река, с другого огибала лесополоса. Зимин пригляделся. По полю ползли какие-то тени... Жуки, что ли? Да нет, не похоже. И местность, вроде, знакомая. Присмотрелся, действительно знакомая. Редкие, невысокие холмы, овраги, излуцина реки.... Кажется, подобные очертания границ он видел сегодня днём. Точно! На карте. У комбата, когда получал приказ об утреннем выступлении. Так это же место предстоящего боя! И тени вовсе не жуки, а танки! Вон и село стоит. В дыму. Вроде, как пожар. Только откуда пожар? Сегодня оно ещё оставалось целым. Почти. По крайней мере, не горело. А теперь в огне. Странно, и когда успели поджечь? И почему танки движутся? До боя целая ночь. И почему солнце ярко светит, если сейчас ночь? И что там внизу творится? Попробовать опуститься ниже, чтобы всё разглядеть...

Только Зимин об этом подумал, как его желание тут же исполнилось. Что моментально отразилось на физическом состоянии: кровь ударила в голову, нестерпимо заломило в висках. Тошнота подкатила к горлу. Во время падения тело развернуло на девяносто градусов. Солнечные лучи хлестнули по глазам, на мгновение, ослепив, и заставив лейтенанта зажмуриться.

Спустя несколько секунд падение прекратилось. Боль отступила. Танкист открыл глаза, присмотрелся к тому, что происходило внизу.

А внизу начался бой.

Со стороны лесопосадки, как смог определить Зимин, к центру поля устремились танки. Родные «тридцатьчетвёрки», лёгкие «семидесятки», «самоходки». С противоположного края поля, навстречу, выползли другие «пятна», более широкие, но от того не менее медлительные. Немцы. Промеж танков, с обеих сторон, виднелись мельтешащие крохотные точки: пехота, догадался лейтенант.

Сотни тяжелых, боевых, машин, влекомые силой ненависти, устремились друг к другу, извергая из стволов залпы огня. По всему, сверху казавшимся плоским, полю, сначала редко, а потом всё чаще и чаще, стали разрываться снаряды. С высоты они смотрелись, будто всплески пыльных фонтанчиков. Даже не верилось, что один такой смешной, безобидный фонтанчик может забрать десятки человеческих жизней.

Зимин напряг взгляд, боль вернулась в черепную коробку. Зато, теперь лейтенант мог не только чётко видеть всю картинку боя, но даже получил возможность различить номера на башнях родных боевых машин.

Вот пронеслась «тридцатьчетвёрка» комбрига. Взрыв по правому борту не нанёс ей никакого вреда.

Взгляд Зимина ушёл левее. Позиция его танкового подразделения находилась южнее. Интересно, что происходит там? Тело, как бы самостоятельно отвечая на мысль танкиста, послушно «уплыло» в нужном направлении.

Лейтенант на минуту отвлёкся от боя, с любопытством осмотрелся. Неужели, он просто парит, контролируя свои движения только одной единственной силой мысли? Невероятно! Впрочем, восхищение тут же сменилось испугом. А что, если умер? – Обжигающей молнией пронеслась сквозь мозг пугающая мысль. – Что, если меня уже нет? Но так не может быть! Я же думаю! Вижу! Чувствую! Значит – живу! Или нет?

Страх заставил поднять руку, поднести её к лицу. Рука оказалась вполне реальной, живой. Зимин схватил себя за мочку уха, с силой сдвигая пальцы. Боль принесла облегчение и успокоение: живой. Всё ощущаю. И одновременно боль принесла новую мысль: вот так сон... Даже во сне всё чувствую... Как в кино! Да нет, какое там кино...

Успокоенный, Зимин принялся с любопытством вертеть головой. Как показал беглый осмотр, танкист не просто парил. Юноша находился внутри полупрозрачной капли. Правда, в отличие, от настоящей капли, какие ранее видел Зимин, стены у данного создания постоянно слегка дрожали и изменяли форму. Как догадался лейтенант, в зависимости от его желаний. Едва он попробовал развернуться, как капля тут же слегка расширилась и удлинилась, подстраиваясь под тело юноши. Если же Зимин сохранял неподвижное состояние, капля растеклась вокруг, будто обволакивая его. При этом, танкист отметил одну деталь: чтобы он не предпринимал, тело оставалось точно по центру сферы, словно картофеля в тарелке с супом. Будто капля это делала специально, в целях сохранения равновесия.

А внизу начался бой. Только шёл он как-то не так, непривычно, что ли. Поначалу командир не понял, в чём причина. Но присмотревшись в детали, ахнул. Некто, Зимин, естественно, не знал, кто, решил показать лейтенанту бой в замедленном темпе, почти покадрово, так, как иногда бывает в кинотеатре, когда киномеханик неправильно зарядит катушку с лентой, и аппарат с трудом её прокручивает. Вот Зимин чётко смог рассмотреть летящий немецкий снаряд, который, оставляя за собой тепловой след, вырвался из ствола «тигра», пролетел метров пятьсот, после чего взорвался рядом с левой гусеницей машины командира взвода, старшего лейтенанта Алтынбекова. Взрыв машине большого вреда не нанёс, но гусеницу сорвал. Тяжёлая машина, по инерции, продолжила движение, оставляя за собой на земле ленту размотавшегося металла. Чуть правее, так же медленно, не проехала, а скорее, проплыла машина

Ваньки Конюхова. Неохотно выплонула снаряд. Зимин проводил взглядом болванку до цели. Начинённая смертью «чушка» угодила в топливные баки фашистского «тигра», от чего вражеская машина воспламенилась, постепенно затягивая всё вокруг чёрным, угарным дымом. Едва огонь дополз до боекомплекта, машина взорвалась изнутри. Танк вздрогнул. Языки пламени неестественно вяло приподнялись над «тигром», надолго, чуть ли не на минуту, зависли в воздухе, постепенно растворились в воздушном пространстве.

Взгляд сместился вправо. А вот и его машина. «Варвара», как нежно называл «тридцатьчетвёрку» экипаж. Плывёт, в целости и сохранности. Через несколько секунд танк скрылся за дымовой завесой.

Зимин вернулся к центру сражения. Здесь уже воевали не только машины. Пехота и танкисты из подбитых «тридцатьчетвёрок», «тигров», «семидесяток», автоматами, пистолетами, гранатами, сапёрными лопатками, просто руками убивали друг друга. Над полем правили законы войны, уничтожая уникальный генофонд планеты. Причём, лейтенант чётко видел, кто из находящихся далеко внизу солдат, принял смерть: в тот момент, когда кто-либо умирал, над полем, в том месте, где падал боец, независимо от его национальности, наблюдалась мгновенная ярко – оранжевая вспышка. Независимо от возраста, звания, убеждений оранжевое свечение, на несколько секунд одинаково покрывало каждое умирающее тело, после чего опадало, теряя цвет. Зимин осмотрелся: оранжевые вспышки охватили всё вокруг. В какой-то миг они, практически, закрыли собой всё поле. На одну секунду место сражения приобрело весёлый, оранжевый цвет. Будто Бог, или кто там на небесах, с радостью принимал к себе души умерших.

А внизу, продолжался бой. И кто побеждает, кто проигрывает, понять было совершенно невозможно. В специально замедленной съёмке, перед глазами лейтенанта, творилась бойня. Будто некто предоставил Зимину возможность увидеть то, в чём тот принимал участие вот уже как полгода. Лейтенант впервые, трезво, со стороны, без лишних эмоций, смог чётко увидеть, как выглядит поле боя во время сражения.

Сначала неизвестный некто увеличил только картинку. Солдатские лица, покрытые потом и грязью, искажённые от боли и крика, напряжение шейных мышц, огромные рты, чаще всего с выбитыми зубами. Руки, стискивающие оружие. Вот из ствола «шмайсера» вырвалась тонкая струйка очереди. Пули, оставляя за собой веретенообразный след, покинули ствол автомата, устремились к телу солдата в советской форме. Тот принял их в грудь. Споткнулся. Сделал пару шагов. Упал на колени. Рухнул лицом в перепаханную гусеничными траками землю. На лице немца, выпустившего очередь, не отразилось никаких эмоций: секунду спустя пуля, прилетевшая с противоположной стороны, впиалась ему в правый глаз, ворвалась в мозг, пробила затылочную кость черепной коробки и застряла в металле каски. Ещё одна оранжевая вспышка...

«Тридцатьчетвёрка», чья, за завесой дыма Зимин разглядеть не смог, споткнулась о взрыв, и, разматывая гусеницу, принялась вертеться на месте. Из двигателя повалил дым. Люк в башне откинулся, показалось тело в шлеме и комбинезоне. Однако покинуть машину солдат так и не успел. Танк содрогнулся, взорвавшись изнутри, тело танкиста рухнуло на броню. Из люка повалил чёрный дым, полностью скрыв тело убитого.

Именно в этот миг некто включил звук. В уши Зимина ворвались рёв, стоны, маты, разрывы снарядов, грохот автоматных очередей, вопли. Какофония продолжалась всего несколько секунд, после чего некто снова выключил звук. Но и этих секунд Зимину оказалось достаточно, чтобы оглохнуть.словно рыба, оказавшаяся в неродной стихии, Зимин распахнул рот, судорожно принялся втягивать в себя воздух. Как только он снова оказался в звуковом вакууме, в виски моментально вернулась боль, будто взрывная волна ударила по перепонкам и оглушила его.

А картинка внизу представляла во всё более и более страшных деталях. Вот снаряд разорвал тело молоденького пехотинца. С кусками земли и пыли на землю опали кисть руки, каска и левый сапог. В десяти шагах от образовавшейся воронки из башни горящего «тигра» выполз немец – танкист. Упал на корпус машины, но подняться так и не смог: пламя с тела, с комбинезона, перекинулось на голову. Зимин чётко видел, как лицо врага вмиг покрылось кровавыми пузырями. Рот фашиста открылся в немом крике. А за танком шла рукопашная. Советский офицер, с одним погоном старшего лейтенанта на правом плече, без пояса, расхристанный, с сапёрной лопаткой, устремился на двоих немецких солдат. Один из них пытался перезарядить автомат, руки дрожали, и рожок, набитый патронами, никак не желал пристегнуться. Не успел: широкое лезвие лопатки рассекло лицо немца от правой брови, наискось, по щеке, через носоглотку, вниз, к правому уголку рта. Зимин видел, как кровь хлынула из открытой раны. Лопатка застряла в лице фашиста, чем воспользовался третий участник трагедии, выстрелив противнику в спину. Офицер развернулся, будто не понял, что с ним произошло, рухнул в руки врага. Немец, от неожиданности, споткнулся, упал на спину. Сверху его придавило тело убитого им же офицера. И тут фашист заорал. Во всё горло. Широко распахнув рот. Закрыв глаза. Что он кричал, Зимин не слышал: немое кино, только в цвете. Однако выражение лица гитлеровца говорило само за себя. Глядя в него, Зимин вдруг осознал: немец кричал не от боли, и не от страха. Немец кричал, потому, что терял то, что отделяло его от зверя, терял ту грань, которая с трудом, но, до этой минуты ещё сохраняла в нём что-то человеческое. Судя по всему, то был его первый бой, и до этого немцу никогда не приходилось убивать. И вот теперь его заставили это сделать. Против воли. Во имя каких-то высших целей, но, тем не менее, именно заставили. И обратного пути уже не было. Грань разрушена.

Зимин долго смотрел в лицо немца. А тот всё кричал и кричал, в истерике пытаясь скинуть с себя убитого им человека. И лишь только когда шальная пуля впиалась ему в бок, он удивлённо замолчал, весь напрягся, и... затих. И именно в тот миг, когда оранжевый цвет начал покрывать его тело, Зимин увидел, как лицо фашиста вновь приобрело человеческий, умиротворённый облик, будто личная смерть реабилитировала его перед ним же самим.

Как ни странно, лейтенант в данный момент не чувствовал ни радости, ни ненависти – ничего. Здесь, на высоте, находясь в странной, каплевидной капсуле, в некоторой отрешённости, ему вдруг стало безразлично всё, что происходило там, внизу. Даже наоборот. Хотелось, чтобы всё то кровавое месиво, что творилось под ногами, закончилось как можно скорее. И не важно, в чью пользу, главное, как можно скорее. Впрочем, новое состояние Зимина нельзя было назвать равнодушием. Нет, данное состояние никак им быть не могло. Лейтенанту вдруг стало стыдно за то, что творилось внизу. Непонятно, перед кем, непонятно за что, но именно стыдно. Как бывает стыдно ребёнку, которому дарят дорогую игрушку, а он её тут же нечаянно ломает на глазах у тех, кто её подарил. И этот стыд имел вселенские масштабы. Зимину стало стыдно за всех. За тех, кто самым варварским образом уничтожал то, к чему не имел никакого отношения – уничтожал жизнь. За тех, кто, с обеих сторон, послал этих людей убивать друг друга. За тех, кто мог остановить братоубийство, но так и не остановил. И стыдно было перед неизвестным ТЕМ, кто подарил всем этим людям жизнь, а они, вместо того, чтобы жить, радоваться, любить, так бездарно и бессмысленно прощались с драгоценным подарком, будто были в состоянии получить его ещё раз. Мальчишка – лейтенант и сам не мог понять, откуда у него, комсомольца, убеждённого врага фашизма, вдруг и так неожиданно зародилось подобное чувство. Но, тем не менее, в ту минуту именно чувство стыда властвовало над ним.

Оранжевый цвет охватывал всё большую и большую территорию. Это ж сколько, подумал Зимин, людей, по чьей-то злой воле, сейчас уходят из жизни? Уходят просто так. Не по старости, не в результате болезни, не из-за несчастного случая. А по причине ненависти. Это что же за странное состояние то такое – ненависть, если оно заставляет человека делать противоестественные вещи.

Теперь лейтенант наблюдал за всем происходящим внизу не как за сражением, или битвой за идеалы, а как за простым, банальным убийством. Причём, обе стороны в тот момент, после первой пролитой крови, уже не имели ни малейшего понятия, во имя чего убивают друг друга. Идеологическая составляющая придёт потом, после. Она будет аргументирована с обеих сторон, и веско доказательна. Обе стороны будут оправдывать себя, свои действия, точнее, оправдывать массовое убийство, на которое толкнули этих людей. Но, то будет после. А сейчас, здесь, в данную минуту, одна животная сила пыталась стереть с лица земли другую животную силу. И никакая идеология на затянута гарью поле, в сию минуту не имела никакого смысла и значения. Смысл имелся только в одном – убивать.

Зимин сжал кулаки, с силой закрыл глаза. Господи, за что всё это....

В голове юноши, неожиданно, будто вспышка молнии, промелькнула новая картинка. Берлин. Зимин чётко осознавал: перед ним Берлин будущего. На улицах ни одного портрета Гитлера. Ни одного намёка на свастику. Главой Германии, как ни странно, является не генерал, не монарх, и даже не мужчина, а маленькая, улыбчивая женщина, из простой семьи ремесленника. По городу ходят арабы, негры, евреи. Их никто не трогает.

Не успел лейтенант более детально рассмотреть, что ещё происходит в будущем Берлине, как неведомая сила унесла сознание танкиста в иной город будущего, в Киев. И то, что солдат увидел, потрясло до глубины души. Молодые люди, будто в Германии тридцатых годов, строем маршируют по широкой улице, неся в руках факелы. На рукавах повязки, с рисунком, сильно напоминающим ломаную свастику. Некоторые вскидывают руки в нацистском приветствии, выкрикивают непонятные, но явно агрессивные речёвки. А стоящие на тротуаре люди, в большинстве, испуганно взирают на происходящее.

Зимин почувствовал лёгкое головокружение: не может быть. Какой-то бред. Ведь мы же... Как же так? А картинка имела продолжение. На улицах теперь уже новой Москвы молодые парни, с закрытыми касынками лицами, устраивают погромы, жгут автомобили, бьют стёкла витрин, ломают могильные надгробия и пишут на стенах: «Жида, вон из России».

Темнота. Темнота окутала Зимина. Или он просто закрыл глаза, чтобы не видеть то будущее, ради которого они, здесь, под неизвестным никому селом Октябрьским, сдыхают. И будет ли кто помнить в том, непонятном, со свастикой, будущем про бой под этим селом? Да и будет ли село носить такое название, коли по Киеву и Москве спокойно гуляет нечисть? И будет ли оно вообще?

Тело юноши зависло в неподвижности.

А, может, нет его, будущего? А есть только настоящее? И всё, что происходит вокруг, делается не во имя будущего, а только и исключительно во благо настоящего? Что такое будущее? Эфемерность. Разве можно жить во имя эфемерности? А вот ради настоящего можно и нужно. Ради настоящего можно вытащить из комода дырявое, пронафталиненное прошлое, использовать его в качестве знамени. Можно спрятать это прошлое подальше, так, чтобы кто-то другой не нашёл и не использовал его в своих интересах. Но и в том, и в другом случае, оно будет использовано только и исключительно ради настоящего. Потому, как те, кто придёт на смену будущим покойникам, будут жить своей жизнью, и своим настоящим, которое, как показывает весь опыт человечества, чаще всего, кардинально отличается от настоящего их отцов, и никогда не совпадает с их мечтаниями.

Зимина вновь охватил стыд. И с этим чувством он уже ничего не мог поделать. Лейтенант неожиданно понял: с данной минуты он больше никогда не сможет думать, строить планы, просто жить, не помня о том, что с ним только, что произошло, пусть даже во сне. Хочет того, или нет, но отныне он постоянно будет задавать себе вопрос: почему люди уничтожают друг друга? Зачем? Во имя чего? И, зная ответ, зная будущее, побоится высказать его вслух.

Нет, где-то там, в подсознании, Зимин прекрасно помнил, как началась война, какие чувства испытывал он, когда шёл на фронт. Всё было правильно, и подчинялось логике. Но

только не в данный момент. Здесь, в капле, не работала ни одна логическая схема, которая беспрочно срабатывала на земле. Здесь, в капле, всё, что творилось там, внизу, не поддавалось никакой аргументации. Мужчины, женщины, и с той, и с другой стороны, которые могли жить друг с другом, и которые так именно и жили, до определённого часа, вдруг, по чьей-то чужой, злой воле, неожиданно, из нормальных, вменяемых людей, превратились в кровавых убийц. Они, никогда ранее не встречавшиеся друг с другом, и не имеющие друг к другу никаких претензий, сегодня увиделись в первый и в последний раз, и увиделись только для того, чтобы лишить жизни друг друга. Во имя чего? Во имя будущего? Какого будущего? Ведь будущее не исполнилось ни у той, ни у другой враждующей стороны. Так во имя чего всё это произошло? Непонятно. А потому, несмотря на смерть и ужас, творящийся внизу, после той картинки будущего, что вспыхнула в мозгу, всё казалось глупым, отталкивающим и безобразным.

Лейтенант открыл глаза, непроизвольно повернулся чуть вправо. Картина боя снова предстала перед ним. Вот из дыма выплыла его машина. Интересно, – отстранённо и совершенно безразлично подумал Зимин в тот момент, – если я здесь, то кто там, вместо меня? И тут же что-то подсказало: и там, в танке, тоже он. Но странное чувство раздвоения не испугало и не взволновало. Даже наоборот, стало как-то безразлично.

В лобовую часть башни ударила немецкая болванка. Не причинив машине никакого вреда, рикошетом, ушла вверх, в небо. Лейтенант отчётливо видел, как за снарядом струится тепловой след. И это было намного интереснее, чем то, что творилось внизу. Болванка поднималась всё выше, выше, и, одновременно, всё медленнее и медленнее: сила притяжения Земли не допустила, чтобы снаряд покинул планету. Тепловой след пропал. Снаряд на тысячную долю секунды завис в воздухе, как бы раздумывая, как поступить дальше, после чего рухнул вниз.

А там продолжался бой. Зимин видел, как загорелась машина Федьки Терёхина. Как встала «тридцатьчетвёрка» Круглова, из неё повалил дым. А вот и второй снаряд, достал его «Варвару», сорвал топливные баки. Вспыхнул движок. Хорошо, речка оказалась рядом. Машина тут же нырнула в воду.

Зимин видел, как из башни танка выскочил башенный стрелок, Петро Хватов. Кинулся тушить огонь. От машины повалил то ли дым, то ли пар: сверху невозможно было разобрать. А где же я? – подумал Зимин и...

– Командир, подъём! – Механик Меньшов склонился над лейтенантом. – Комбат передал по машинам готовность. – Водитель перекрестился мелким крестом. – Кажись, началось....

«Варвара», подминая под себя тонкоствольные, молоденькие берёзки, вырвалась из леса на простор и на полном ходу устремилась в гущу предстоящего сражения. Зимин, сидя в башне слева от стрелка, сквозь смотровые щели, внимательно изучал панораму предстоящего боя: где пригорок, где овраг, где ровная, хорошо простреливаемая местность – в бою, особенно ближнем, всё пригодится. Бугорок от вражеского снаряда спасёт, овражек спрячет.

Ночное видение на время вылетело из головы лейтенанта. Предстоящий бой завладел всем существом командира.

Впереди появился немец. Десятка два тяжёлых машин пёрли, как показалось Зимину, на одинокую «Варвару».

– Меньшов, оборотов не сбрасывать! Хватов, заряжай!

Танк выскочил на более – менее ровную площадку, содрогнулся от выстрела и с новой силой устремился вперёд.

Справа от «Варвары» проскочил танк комбрига. Ушёл вперёд. Зимин увидел, как с правого борта машина разорвался снаряд, но «тридцатьчетвёрка» продолжала упорно нестись на врага.

– Ты гляди... – Весело хмыкнул Зимин и тут же заорал. – Хватов, не спать!

Машина нырнула в овражек, снова выскочила на ровную местность. За это время, как отметил лейтенант, с правой стороны их успел обойти танк командира взвода. Вот он вырвался вперёд. И вдруг вспышка: вражеский снаряд пришёлся в левую сторону машины старшего лейтенанта Алтынбекова. Танк вздрогнул: сорвало гусеницу.

Зимин с силой тряхнул головой: что за наваждение? Он не помнил сна, но чувство было такое, будто с ним нечто подобное происходило раньше. Сейчас, мысленно сказал сам себе Зимин, танк не остановится, поползёт дальше. И точно, машина командира подразделения продолжила движение, оставляя за собой вдавленную в землю полосу металла.

Чертовщина какая-то... – уже вслух ругнулся Зимин, с силой протирая глаза грязной рукой.

– Что? – отозвался в переговорном устройстве Меньшов, но лейтенант не ответил ему.

Из-за машины Алтынбекова показался ранее невидимый для Зимина танк Ваньки Конюхова.

Сейчас он выстрелит в «тигр» и попадёт в топливные баки. – Подумал Зимин, и всё сбылось именно так. «Тигр» загорелся.

– Командир, – слышался голос Меньшова, – куда мне «Варьку» пристроить?

– «Тигр», видишь, горит? Давай в дымовую завесу.

– Понял!

«Варвара» на время спряталась от вражеских танков. Спустя минуту машина снова вырвалась на свежий простор. Первым же выстрелом Хватов, как говорил Меньшов, «прищучил» немецкого «тигрёнка».

– Молодца! – слышался выкрик водителя, но его тут же перебил Митюхин.

– Командир, правее глянь. Наша «тридцатьчетвёрка», только чего-то с немецким крестом.

Зимин чуть повернул башню вправо. Точно, «тридцатьчетвёрка». Наша, советская. А на башне, вместо звезды и номера, «паук». Что за хрень.

– Может, ловушка? – высказал мысль Митюхин. – Для приманки?

Зимин отметил, как башня советского танка с фашистским крестом на броне, стала поворачиваться в их сторону.

– Меньшов, в лобовую, на «четвёрку»!

– Щас стрелять будет! – слышался крик Митюхина.

– Нефёдыч, – не своим голосом заорал командир, – вперёд! В «лобовую» они все ссут! Топи на газ!

«Варвара» рванула с места и устремилась к танку. Там, видимо, не ожидали такого решения красного командира. А потому, не успели точно прицелиться.

Вражеский снаряд, по касательной, ударил в башню, скрикошетил, ушёл в неизвестность. Внутри танка загудело, будто в колоколе.

– Твою мать... – В голос выматерился стрелок – радист. – Аж в башке отдалось...

– Хватов, в подбрюшину ему! – крикнул Зимин, но тот и сам знал, что делать. Едва первый снаряд ушёл в сторону «тридцатьчетвёрки», как Хватов тут же вогнал в орудие вторую «болванку», чуть сместил прицел и всадил снаряд «в бочину» «сcurвившейся» машины. Из «тридцатьчетвёрки» повалил дым.

– Может, разберёмся с гансами? – выкрикнул Митюхин, но Зимин остановил его.

– Пусть пехота поработает. А то катаем их...

«Варвара» упрямо продолжала продвигаться вперёд.

А Зимина всё не отпускало чувство, будто всё, что с ним происходит сейчас, уже было раньше. Алтынбеков, Ванька Конюхов, снаряд в башню.... Было! Хоть тресни!

– Командир! – слышался голос водителя. – Лейтенант Терёхин, впереди...

Зимин кинулся к обзорной щели. Действительно, прямо по курсу «Варвары» загорелась машина Федьки Терёхина. Меньшов начал, было, объезжать подбитый танк, как лейтенант увидел, что и машину Ильи Круглова, земляка Зимина, тоже подбили. Из неё повалил дым, однако, из самого танка, из башенного люка, никто не выполз.

Может, воспользовались брюхом? – мелькнула мысль в голове Зимина, и тут же пропала. «Варвара» вздрогнула, чуть встряхнулась.

– В бочину попали, сволочи! – Раздался крик Меньшова. – Готовьтесь, я в реку. Если горим – тушите!

Машину ещё раз тряхнуло. После чего Зимин почувствовал, как танк наклонился, ухнул вниз.

– Брюхо не открывать! – Опомнился лейтенант. – Затопит! Митюхин, слышал? Митюхин?

– Командир, он без памяти. – Вырвался голос Меньшова. – Видно, башкой припечатало.

– Хватов, наверх! – Приказал лейтенант, сам бросился вниз. – Меньшов, глубоко сидим?

– По буксирный крюк.

– Открывай свой люк. Иди первым. Я подам Митюхина.

Меньшов, матерясь, откинул бронированную плиту, выполз наружу, принял бесчувственное тело стрелка. В тот же миг по броне застучали пули. Меньшов рванул Митюхина на себя, упал в воду.

– Лейтенант, – выставив голову из воды, изо всех сил заорал водитель, стараясь перекрыть грохот боя, который царил вокруг, – стреляют!

Но Зимин и сам догадался, по чёткому звону, раздававшемуся внутри машины. Внутренность танка быстро заполнялась дымом. Значит, ждать, когда огонь прекратится, смысла нет. Через верхний люк выбраться не имелось никакой возможности: тот находился в зоне обстрела. Выход один: покинуть машину через люк водителя.

Зимин вставил диск в ППШ, сгруппировался (спасибо папе и маме, что получился такой маленький и шуплый), выставил ствол автомата в люк, дал веером очередь и тут же выбросил тело наружу, в речку. Запоздавшие пули прошли мимо цели, хлестнув по броне. Зимин даже не успел испугаться.

Речка, как ни странно, оказалась глубокой. И это у самого берега! Лейтенант никак не ожидал, что здесь такое дно. Автомат, силой своей тяжести, увлёк на глубину. Причём, той глубине, казалось, не было ни конца, ни края. Будто бездонная пропасть скрывалась над водами степной речушки.

Зимин, продолжая сжимать в правой руке автомат, вытянул левую руку, принялся искать дно. Но того под рукой не оказалось. С головы сорвался шлемофон, но лейтенанту было не до него. В груди запекло: первый признак недостатка кислорода. Нужно всплывать, подумал танкист и...

На этот раз никакой воронки не было. Просто в голове отразилась картина. Чёткая, до мелочей.

Он, Зимин, будто поплавок, выпрыгивает из воды. Глаза ищут, откуда будут стрелять, однако, цель не находят. С берега доносится голос Меньшова:

– Командир, сюда. Быстрее!

Зимин кидает тело в сторону берега, и во время: там, где он только что всплыл, проходит автоматная очередь. Но всё мимо. Только одна пуля ударяет в каблук сапога. Меньшов помогает выбраться на берег, тянет под прикрытие танка.

– Что с машиной? – Зимин, отплываваясь, произносит первое, что приходит на ум.

– Порядок. Отобьём фрица, делов всего – ничего. – Тут же отозвывается Меньшов, перезаряжая автомат. – Хват успел погасить пламя. Баки сорвало. Ерунда... Это поправимо...

– Что Митюхин? – Чуть ли не в ухо кричит водителю лейтенант, указывая на безжизненно лежащее тело.

Тот только машет рукой, в сторону воронки от снаряда, виднеющейся чуть выше, по склону берега.

– Лучше бы оставили внутри. Всего осколками посекло.

Откуда-то со стороны выныривает Хватов.

– Немец за бугром засел. Выше, шагах в десяти. Хрен даст залезть на танк. Что будем делать, командир? Патронов с гилькин нос осталось.

Но Зимин ответить не успевает. Со стороны поля доносится неприятный гул, и чей-то снаряд, чей, в данной ситуации понять невозможно, ударяет в основание башни. Мощный взрыв приподнимает тяжёлую, бронированную машину над землёй, с силой обрушивает её на песок.

Пыль оседает долго, очень долго. Лишь через какое-то время лейтенант видит результат происшедшего вновь как бы с высоты. Увиденное потрясает.

Обезглавленная «Варвара», башню сорвало взрывом, лежит на боку, вдавив, спрятав под собой тела всего экипажа. Наружу, из-под машины, точнее, из-под гусеницы, торчат только рука Меньшова (её лейтенант узнал по часам, которыми водителя наградили ещё в сорок втором году, до их встречи) и его, Зимина, нога, обутая в сапог. О том, что это именно его нога, Зимин догадывается по отсутствию каблука, который сорвало пулей в реке.

Не выжил никто. В том числе и немцы, что находились в засаде: осколки посекали всех, до единого.

Зимин закрыл глаза и...

И обжигающий, пропитанный гарью и копотью, но такой сладкий воздух устремился в лёгкие лейтенанта.

– Командир, сюда. Быстрее! – Донёсся до Зимина голос со стороны берега.

Не понимая, как, но, практически, не думая, автоматически, лейтенант всем телом кинулся в сторону берега. И вовремя. За спиной, вслед, прошлёпали по воде пули. Одна из них ударила в ногу, однако боли лейтенант не почувствовал. Возле танка Зимина приняли руки Меньшова. Втащили на песок, подкрытие «Варвары».

– Что с машиной? – С кашлем вырвалось из груди лейтенанта.

– Порядок. – Меньшов принялся заряжать ППШ. – Отобьём фрица, делов всего – ничего. – Мотнул головой куда-то вверх. – Хват успел погасить пламя. Баки сорвало. Это ничего... Это поправимо...

– Что Митюхин? – Выкрикнул Зимин: ему показалось, что его никто не слышит в грохоте сражения.

Меньшов махнул рукой, в сторону воронки от снаряда, метрах в пяти от них.

– Лучше бы оставили внутри. Всего осколками посекло.

Лейтенант обеими ладонями рук с силой сжал виски. Что это? Бред? Но такого не бывает! Он только что, сам, своими собственными глазами всё это видел! И слышал! Там, в реке. Меньшов, Митюхин, Хватов, немцы... Потом взрыв! Да, после появления Хватова – взрыв...

Зимин быстро наклонился к правой ноге, посмотрел на сапог. Каблука не было, будто срезали бритвой, начисто.

– Немец за бугром засел. Выше, шагах... – Крикнул Хватов, скатившийся к ним по песку, но Зимин оборвал его криком:

– Все в воронку! – И первым кинулся к следу от снаряда.

Меньшов и Хватов тут же выполнили приказ командира, кинулись вслед за ним. Воронка оказалась глубокой, приняла всех троих. И вовремя.

Тяжёлый взрыв охнул над рекой. Над головами лежащих танкистов прошелестели осколки. Некоторые из них впились в края воронки, но никому не причинили никакого вреда.

Земля вздрогнула, будто по ней ударили здоровенной, невиданных размеров, кувалдой. Спустя минуту, Зимин подполз к краю воронки.

– Куда... – Меньшов ухватил командира за сапог. – Дура, там же фриц!

– Никого там уже нет. – Зимин продолжил движение. Выполз. Чуть приподнялся на коленях. Меньшов последовал вслед за лейтенантом и когда оказался снаружи, не сдержался, присвистнул.

– Ни х... себе....

«Варвара» лежала на боку, глубоко вмявшись правой гусеницей в песок. Башня у танка отсутствовала. Вместо неё зияла чёрная дыра.

– Метров на десять отбросило. – Послышался голос Хватова. Стрелок указал рукой в сторону реки. Башня «Варвары», наполовину погружённая в воду, лежала ближе к противоположному берегу. – Хорошо, речка неглубокая. Можно достать, отремонтировать.

Меньшов хлопнул командира по плечу:

– Ну, спасибо, сынок. Это ж надо, так....

А лейтенант, дрожащей рукой стерев пот со лба, перевёл ошарашенный взгляд с изуродованного тела танка на башню, а с неё на воду. И, несмотря на то, что в ту секунду по реке, сплошным потоком, тяжело плыли ржавые, масляные пятна, несмотря на то, что вода в реке была такой грязной, будто в неё, в маленькую, степную речушку в тот день слили все грязевые отходы мира, и от того она стала до такой степени мутной, что невозможно было рассмотреть даже опущенной в неё собственной ладони, Зимин всё одно смотрел и смотрел в эту грязную, коричневую до черноты жижу. Потому, как, в отличие от остальных, лейтенант видел в ней то, чего никто, кроме него, не видел. Он видел звёзды.

До и после Р. Х.

Год 11568 до Р. Х., межпланетная трасса Отта – Эя (сегодня, Марс – Земля), Триста Седьмая экспедиция, транспортное судно «Элта».

Сначала Ол почувствовал покалывание в кончиках пальцев. Ощущения пришли так вдруг и неожиданно, что ладони рук, подчиняясь естественным рефлексам, сами собой сжали пальцы в слабые кулаки. Однако, покалывание не исчезло. Мало того, вслед за руками другая часть тела ощутила неприятные ощущения, только на этот раз причина пришла извне: по всей спине и ногам, сначала снизу вверх, а после сверху вниз, прошла тугая, упругая волна, прощупывая каждый мускул икр, бёдер, ягодиц, спины, плечевого пояса, шейные мускулы. Одновременно, головной мозг мягко и ненавязчиво, начали захватывать звуковые галлюцинации. Тёплая, расслабляющая музыка, непонятно как попавшая под черепную коробку, ласкала мозг, возбуждая в ещё сонном сознании эротические видения.

Как ни странно, Ол осознавал: он грезит, а сон находится на грани просыпания, когда дремота от бодрствования разделена тонкой, прозрачной плёнкой. Именно в такие моменты сновидения наиболее сладки и приятны, их хочется продлевать, как можно дольше, хочется отдаваться последним волнам дремоты.

А в это время «живая вода» массировала чересчур ослабевшие за пять месяцев анабиоза участки тела. В связи со спецификой деятельности, Ола должны были разбудить одним из последних на корабле: на судне у доктора никаких обязанностей не было, а потому и будить его одним из первых не имелось никакого смысла. Но теперь транспортник «Элта» приближался к цели своего полёта, а значит, настал черёд доктора. Впрочем, сон ещё продолжался.

Воздушная, прозрачная, тонкая, как паутина, музыка навевала незнакомые, приятные образы. Из туманной неги в подсознании сначала проявилась трава, неестественно зелёная, будто сотканная из молекул и атомов изумруда. Где-то вдалеке показались высокие горы, со снежными шапками на вершинах. Но не это заинтересовало мужчину. Девушка... Её прозрачный силуэт проявился на фоне светло-голубого неба, так далеко, что, поначалу, рассмотреть, кто это, мужчина или женщина, с такого расстояния, было невозможно. Однако, доктор знал: к нему бежит юное и прекрасное создание. И действительно, вскоре, по мере приближения бегуны, стали видны очертания женского стройного тела. Узкая талия, переходящая в упругие, слегка широковатые бёдра. Высокая, тугая грудь, прикрытая туникой, колыхалась в такт каждому шагу. Спустя секунду док смог разглядеть и чёрные, как смола, волнистые волосы, конским хвостом спадающие за спину, колыхающиеся в унисон с грудью. Ещё мгновение, и Ол не смог скрыть во сне улыбку: оказывается, ему приснилась прекрасная Ниа, инженер – строитель, с которой он познакомился на второй день, после объявления Решения Избранных о его участии в Триста Седьмой экспедиции. Да, это была она: теперь он чётко мог разглядеть высокий лоб девушки, с озорной чёлкой, густые, изогнутые уголком брови над, цвета тёмного изумруда, глазами, тонкий, с небольшой горбинкой нос, возвышающийся над припухлой нитью губ, которые, в волнительном дыхании, чуть приоткрыли жемчуг крепких, молодых зубов. Сейчас, когда Ниа находилась в нескольких шагах от него, Ол прекрасно видел и жемчуг, и капельки пота на тонкой, смуглой шее, и озорной взгляд изумрудных глаз.

Ниа, из рода Хиллонов, выросла на экваторе Отты, а потому, казалось, впитала в себя сладострастный жар того края, в котором провела детство и юность и теперь хотела поделиться им с ним, с Олом. Вот черноволосая красавица остановилась, на расстоянии вытянутой руки, озорно смахнула со лба чёлку на сторону, от чего упругая грудь пришла в движение под тонкой материей туники. Доктор заметил это движение. Мало того, он отчётливо видел под материей соски, которые твёрдыми, сочными, спелыми ягодами натягивали ткань, явно в желании

вырваться на свободу и показать себя. Взгляд мужчины опустился ниже, к краю туники. Одевание девушки оказалось чересчур коротким, едва прикрывало упругие ягодички. А под ним, под краем, виднелись сильные, стройные ноги, обутые в кожаные сандалии, шнуровка которых переплеталась на мускулистых икрах. Ол во сне облизал вмиг пересохшие губы. Ниа рассмеялась, и, положив руки на бедра, сделала ещё один шаг к доктору. Теперь её грудь слегка касалась мужской груди. Док взволнованно ощутил, как соски упруго ткнулись в мускулы брюшного пресса. Мало того, доктор почувствовал, как девушка специально чуть привстала на цыпочки, после чего снова опустилась на стопу: в результате твёрдые горошины волнующе – приятно прошлись по его обнажённой коже, сверху вниз. Видя, как мужчина замер от наслаждения, Ниа чуть наклонилась и на мгновение прижалась к его телу. При этом, задорно – зазывающе, глядя в глаза. Ол моментально почувствовал, как в паху сладко заныло. Детородный орган, не подчиняясь воле хозяина, самостоятельно и очень отчётливо принялся реагировать на столь приятные ощущения. Ниа тут же сделала шаг назад, посмотрела на результат манипуляций своего тела, весело рассмеялась и в восторге захлопала в ладоши.

Тут же в сознание Ола ворвался смех ещё нескольких человек. Мужчин. Доктор дёрнулся раз, второй, по рукам пробежала дрожь. Веки тяжело, непослушно распахнулись. В мутной, водянистой дали он с трудом смог различить контуры фигур нескольких человек. Членов Триста Седьмой.

– Проснулся? – Не во сне, наяву донёсся до Ола знакомый голос второго помощника командира транспортного корабля. И мысль тут же заработала: кто проснулся? Где? – Док, – Рука помощника слегка хлопнула по прозрачной поверхности капсулы, прямо над головой учёного. Ол понял, голос обращается к нему, – приготовьтесь. Сейчас почувствуете неприятные ощущения, но это вскоре пройдёт. Готовы?

Веки дрогнули, в знак утверждения. «Живая вода» тут же схлынула в специальные отверстия. Прозрачная крышка капсулы, в которой он находился, с хлопком ушла в конструкцию. Тело, оказавшись в непривычной обстановке сухости, моментально покрылось мурашками, судорожно задёргалось. Переохлаждение, догадался Ол, и прикусил губу от боли: правую ногу свело судорогой.

– В чём дело? – Услышал доктор взволнованный голос помощника. – Почему он не прошёл полный адаптационный период?

Голос бортового компьютера незамедлительно выдал холодный ответ:

– Сенсоры подсознания доктора Ола во время прохождения адаптации были частично заблокированы извне. Поэтому тело доктора Ола не смогло полностью отреагировать на реакцию флирования.

– Чья шутка? – Помощник капитана окинул присутствующих сердитым взглядом.

– Моя. – Нейрохирург Отс, товарищ Ола ещё со школьной скамьи, снял с лица учёного кислородную маску, произвёл осмотр сетчатки глаз. – Всё в норме. Извини, старик. Но, традиция есть традиция: кто просыпается последним, тот подвергается шуткам экипажа.

Ол мысленно погрозил другу кулаком. Но только мысленно. Воспроизвести на деле все эти довольно простые телодвижения он был ещё не в состоянии: давали знать месяцы бездвижения, проведённые в капсуле.

Отс и ихтиолог Снас, который с трудом скрывал улыбку, вытянули доктора на волю, уложили на энергоносилки. Отс прикрыл голое тело друга тёплой, энергосберегающей простыней.

– Надеюсь, кроме вас двоих, меня никто больше не видел? – с трудом сначала сформулировал, а после телепортировал свою мысль Ол, на что друзья разразились новым взрывом хохота.

– Как тебе сказать... Не видели только те, кто несёт фахту. Да и то, не факт.

Отс, не прекращая смеяться, подтолкнул носилки к пункту медицинского обслуживания.

Год 11568 до Р. Х., третий спутник от Светила, Эя, координаты местности 014–277 (сегодня – планета Земля, север Зейского района Амурской области, Россия)

Орайя, упруго оттолкнувшись от земли, легко запрыгнула на высокий, ей по грудь, выступ на скале. Крепко цепляясь тонкими, но достаточно сильными пальцами за горячие, нагретые за день скальные наросты, нащупывая ступнями босых ног любые выемки которые смогли бы удержать её лёгкое тело, подняла себя как можно выше над землёй. Так, чтобы находиться, пусть в относительной, но безопасности. После чего, насколько было возможно, девочка вытянула тонкую, расцарапанную во многих местах шею, осторожно заглянула в узкую горловину входа в пещеру. Вроде, тихо. Кажется, внутри никого нет. Впрочем, это только кажется. Охту – он хитрый. Очень хитрый. Хитрее, чем старый Вонк, а того провести тяжело, точнее, невозможно.

Выждала. Тишина. Ни звука. Нашупала левой рукой камень. Со всей силы метнула его в проход, ведущий внутрь пещеры. Её пещеры, о которой знала только она.

Камень, с гулким эхом, ударился о стены. Тишина. Не из прохода, не из самой пещеры не донеслось ни единого звука. Но это ещё ничего не значило. Охту не просто хитрый. Он – умный. Точь-в-точь, как старый Вонк. Хотя, нет. Вонк умнее: старик за свою жизнь столько снял шкур с убитых им Охту, что теми шкурами можно устелить пол пещеры в несколько слоёв. И ещё одной закрыть вход, от ветра. Жаль, шкура у Охту плохая: твёрдая, как камень. Жёсткая. И вонючая. Сколько не выветривай, всё одно пахнет тинной, от чего, если её повесить в пещере, такой дух стоит – хоть убегай. То ли дело шкура Ани... Зато мясо Охту очень вкусное. Лучше, чем мясо оленя. По крайней мере, Орайе нравится больше. А вот шкура отвратительная. Ну, какой Охту, такая и шкура...

Девочка подтянула тело дальше, буквально повиснув над входом, так, что теперь, с нового положения, стало видно большую часть самой пещеры. Правая рука инстинктивно вцепилась в край скалы, фиксируя тело. Левая нащупала новый камень, с силой метнула в зев глубокой, природной выемки. Прислушалась. Охту снова ничем себя не выдал. Вроде, можно спуститься, зайти внутрь. Хотя, и тут следует быть настороже.

Охту – он хитрый. Злой и хитрый. Вон как ловко прячется в реке: не увидишь. А спустишься к воде – тут как тут. Сколько раз они играли с ребяташками с Охту... Двоих унёс с собой, в реку. И правильно сделал, что унёс. Какие бы из них выросли охотники и рыбаки, если не умеют во время уйти от врага? Никакие. Лишние рты в семье.

Правда, Охту не всегда с ними играет. Только когда голодный. Когда сытый никакого внимания на них не обращает. Хоть корягами бросай, не пошевелится. Но когда голодный....

Пещеру Орайя нашла давно, как ей казалось, очень давно. Но никому, ни отцу, вождю племени, ни матери, ни подругам о ней не рассказывала. Со стороны реки вход в пещеру был не замечен, потому, как от человеческого глаза его скрывал высокий, густой кустарник. К тому же сам вход представлял собой своеобразный «карман с клапаном», когда внешняя высокая каменная стена входа перехлёстывалась с внутренней стеной, от чего со стороны реки, визуально вся скала представляла собой сплошное, монолитное возвышение. И только настырный, цепкий взгляд Орайи смог отыскать щель в этом, казалось бы, цельном скальном пространстве.

Пещера оказалась сухой, проветриваемой, уютной. Она стала самой главной тайной девочки. На отшлифованных временем и ветрами, созданных природой плоских стенах галереи, которые находились ближе к входу, и на которые падал солнечный свет, девочка рисовала то, что видела и запоминала из своей небольшой, но очень насыщенной разными событиями жизни. Зверей, чаще всего диких кабанов, рогатых оленей, которых убивали мужчины племени, надолго и далеко уходя в леса на охоту, и часто, по возвращении, оплакивая охотников, погибших во время этого опасного занятия. Рыбу, которую Орайя ловила вместе с другими женщинами и девочками племени в широкой и глубокой реке, что протекала невдалеке

от стойбища. Конечно, нарисовала и нескольких Охту. Голодных, оскаливших зубы. Получилось правдоподобно. Нарисованные, злые звери, казалось, вот-вот бросятся на свою жертву. Правда, отец и другие мужчины – охотники не раз сообщали о том, будто их Охту далеко не самый страшный зверь. Мол, в лесах водятся звери и пострашнее. Даже рассказывали о том, будто в Большом лесу видели такого громадного Охту, что даже их скала, в сравнении с ним, выглядела маленькой. Орайя охотникам верила, потому, как иногда до пещеры, из глубины лесов, доносился такой грозный рёв, что сразу становилось понятно: такой крик могла издать только глотка огромного существа. Однако, близко к стойбищу пока, ни один таких зверей до сих пор не приближался. Скорее всего, от того, как утверждал старый Вонк, и его поддерживали все охотники, что им мешала Трясущаяся земля. Так это, или нет, неизвестно, но, как бы, то, ни было, до сих пор, ни один из Других Охту к ним так и не наведалься, чему племя безумно радовалось, чувствуя себя пусть и в относительной, но, всё-таки, безопасности, и опасаясь только одного Охту – речного. Хотя и этот Охту был далеко не маленький: положи таких, как Орайя три девочки, так, чтобы ноги одной упирались в плечи другой, так и то будет не весь Охту, хвост останется.

Рисовала юная художница и птиц. И тех, что летали высоко небе, которых приходилось долго ждать, чтобы после кинуть в них камень, и тех, что низко летали, которых можно было поймать в силки. Но больше всего Орайе нравилось рисовать Богов, красивых, сильных, которых все, даже самые высокие её соплеменники приходились чуть выше пояса, почти по грудь.

Боги посещали её племя несколько раз. Первого раза, когда Орайя была ещё маленькой, девочка, конечно, не помнила. О нём рассказывали отец и Вонк. Отец с опаской и неохотой. Не любит он рассказывать о Богах. А Вонк ту встречу описал во всех красках, которые дарит лес. Конечно, врал, будто бы Боги разговаривали с ним на равных. Даже хвастал, мол, советовались. Жаль, нельзя старику шипом хелка¹ язык проколоть, как делают, в целях воспитания, всем мальчишкам и девчонкам их племени, когда те выдумывают то, чего не было. Вонку осталось жить всего ничего, так что, смысла его воспитывать, уже нет.

Потом Боги прилетали ещё несколько раз. Уже те их посещения Орайя помнила хорошо. Птица Богов всегда опускалась на землю не рядом со стойбищем, а вдалеке от него. Судя по всему, поначалу, племя Норка мало интересовало Богов. Больше всего их интересовала река. Боги не купались и не ловили рыбу. Они, спустившись к самой реке, долго рассматривали её, будто раньше никогда не видели воды. Девочка наблюдала за ними издалека, с небольшой площадки в скале, иногда сидя на корточках, а чаще лёжа на животе. Зоркие глаза Орайи видели, как Боги, в странной, блестящей шкуре, бродят вдоль берега, присаживаются на корточки, черпают воду руками. Однако, в саму воду, на глубину, никто из них не заходил. Наверное, боятся Охту, ляпнула потом, в пещере, языком Орайя, за что и получила подзатыльник от Вонка.

Однако как потом выяснилось, Богов интересовала не только река. В следующие посещения они исследовали скалы, правда, опять вдали от стойбища племени Норка, уходили в сторону Большого леса и Трясущейся земли. Орайя, наблюдая за тем, как Боги идут в ту сторону, с завистью перевела дух. Её одну туда не пускали. А ягода в том месте большая, крупная, с кулак, вкусная, правда, собирать нужно крайне осторожно. На глазах Орайи боги Трясущейся земли забрали к себе её одногодка Трута. Та страшная картина до сих пор стояла перед глазами девочки. Как трава, покрытая водой, вдруг под ногами мальчишки разверзлась, и тот провалился в неё сначала по пояс, а после, в мгновение ока, исчез совсем. Даже вскрикнуть не успел. Только на воде с ряской, что заполнили место смерти Трута, появились пузыри. Точно такие же пузыри появлялись на поверхности воды, когда Охту утаскивали свою жертву к себе в нору. Вот потому, без старших, всем детям племени, с того часа, было запрещено ходить к Трясущейся земле.

---

¹ Хелк – ёж.

Что делали Боги в тех местах, никто не знал. Но, судя по всему, боги Трясущейся земли никого из прилетевших Богов к себе забирать на стали. Наверное, побоялись.

А вот последнюю встречу с Богами, которая состоялась прошлой осенью, Орайя запомнила хорошо. Потому, что в то прибытие, Боги посетили их племя.

Они, как обычно, спустились с неба на своей огромной, гордой, блестящей на солнце птице. Орайя всегда восхищалась птицей Богов, с телом, будто в рыбьей чешуе: так оно горело в лучах света. Впрочем, именно в то прибытие, девочка убедилась: то была вовсе не чешуя. Орайя это проверила, коснувшись, крыла птицы рукой. Тело оказалось гладким, горячим, приятным на ощупь. И ни одного пёрышка, ни одной чешуйки.

Всегда, когда птица Богов опускалась на землю, вокруг стоял такой рёв, что даже речной Охту и тот убежал куда подальше: его потом в реке не видели несколько дней. Здорово: можно было плавать на другой берег. А когда птица приземлилась в этот раз, то к рёву ещё добавился и ветер. Хорошо, что все, как обычно, упали на колени, уткнувшись носами в землю, а то бы ветер сбил их с ног.

Чрево птицы распахнулось, из него уверенными, широкими шагами, вышли Боги, будто та родила их. Орайя хорошо запомнила, как её в первый раз шокировало увиденное: в животе опустившейся на землю птицы вдруг образовалась дыра, причём, без крови и кишок, внутри которой, вместо trebuхи, показались Боги. Также не забыла она потрясения и о того, когда увидела, как пузо птицы вновь забрало в себя Богов, а после дыра вдруг взяла и затянулась, будто её и не было. Когда птица улетела, Орайя тщательно исследовала поляну, на которую опустилась птица, но, ни капельки крови так и не нашла. Эти две картинки долго не отпускали сознание девочки. Она даже хотела изобразить увиденное на камне, но все попытки привели только к нервному расстройству: картинки так и не удались. Всё получалось только по отдельности. В целом же Боги и их птица никак не хотели соединяться вместе.

Боги всегда, с ног до головы, были одеты в шкуры из такой же странной «чешуи», что и тело птицы: блестящей, сверкающей на солнце. Наверное, решила Орайя, когда увидела одяние Богов в первый раз, они, то есть, Боги, на одной птице летают, а другую убили, и сделали из её шкуры себе одежду, точно так же, как её отец сделал ей накидку из лысой шкуры старого оленя. Правда, Вонк потом шепнул девочке на ухо, будто то вовсе не шкура, а такая, мол, у Богов кожа. Но Орайя ему не поверила. Своя, собственная кожа должна быть всегда и во всех местах тела туго натянутой, ну, разве что морщинистой, как у Вонка. У Богов же и на теле и на руках «кожа» топорщилась во все стороны и, мало того, в некоторых местах даже обвисала. А разве кожа может обвисать? Любой зверь схватит такую шкуру зубами и утащит к себе в нору. А разве Бог допустит, чтобы его хватали зубами? И потом, голова у Богов тоже пряталась за странной «кожей», с твёрдой водой перед лицом. Орайя чётко видела лица Богов под этой водой, когда те осматривали её тело. Лица как лица: простые, нормальные, точно такие же, как и у сородичей Орайи, только плавают внутри «кожи», будто в мутной воде. Девочка до сих пор помнила, как один из Богов улыбнулся, обнажив при этом такие красивые, ровные, белые зубы, что у дочери вождя дух захватывало от восторга и ужаса. Таких зубов ни у кого из её соплеменников не было. В том числе и у самой девочки.

Говорили Боги странно. Вроде произносили знакомые с детства слова, однако, до ушей Орайи те доносились глухо, будто эхо и малопонятно. То ли хрипло, то ли лающе, как – Орайя разобрать не смогла.

И ещё на одно обстоятельство обратила внимание дочь вождя: собаки, которые буквально сходили с ума во время приземления птицы, как только Боги вышли из тела божества, тут же замолкли и, сбившись в одну плотную массу, дружно легли на брюхо, мордами к птице. И так лежали до тех пор, пока та не улетела. А вот козы наоборот: бесились всё время, пока Боги находились вблизи стойбища, металась внутри загона и призывно блеяла, то ли от страха, то ли от боли. И тоже успокоились только тогда, когда те покинули стойбище.

Впрочем, потом, на следующий день, была отмечена ещё одна странность. Всё молоко, которое надоили утром, оказалось горьким, совсем никудышним. Пытались сделать из него сыр – только плевались. Даже вечно голодные собаки отказались есть. Пришлось всё отправить в реку, на радость Охту, чтоб он подавился. На следующий день козы дали хорошее, сладкое молоко, как всегда.

В последний раз Боги провели в стойбище целых два дня. Зачем-то у всех рассматривали рты, глаза, уши, кололи руки какими-то колючками, до тех пор, пока не появлялась кровь: её Боги забрали с собой. После Вонк сказал: они это делали специально. Теперь племя будет подчиняться им, потому, как Боги забрали частицу тела каждого из членов племени. Опять всё выдумал. Хочет выглядеть самым умным и самым мудрым среди старейшин, только ничего не получается. Вонк маленький и тощий. От него даже речной Охту отворачивается, когда тот приходит к реке. Кожа да кости – есть нечего. Вонк и сам понимает, что он слабее многих в племени. Если не всех. Вот и пытается хоть как-то возвыситься, пусть даже враньём. Только ничего у него не получается.

Особенно внимательно Боги рассматривали женщин и девочек племени. Больше всего их интересовало то, что у тех находится промеж ног. Вели себя, как мальчишки, которые только-только начали интересоваться соплеменницами. Даже мужчины их племени и те не смотрят на то, что у женщины промеж ног. Есть да и есть. На что там смотреть? Всё у всех одинаковое. Вот грудь другое дело: она у женщин и девушек действительно разная. К примеру, у Кхааты, её ровесницы, очень красивая грудь. Большая, упругая. Все мальчишки, да что там мальчишки, все мужчины и юноши племени пялятся на её грудь. Слюни пускают. На грудь Орайи никто не смотрит. Потому, как тут похвастать нечем: её у Орайи почти нет. Так, два маленьких прыщика. Даже под онуту, верхней накидкой, топорщиться нечему. Но Богов, кажется, интересовало нечто иное, потому, как они на грудь Кхааты совсем не смотрели. А вот между ног не только смотрели, но проводили по складкам блестящей палочкой. Ораие тоже проводили. Было щекотно, но не больно. И ещё. У мужчин племени Боги рассматривали шрамы на телах, долго изучали их головы. Зачем? Покрути в руках голову одного Вонка, и всё станет понятно.

Особенно долго Боги рассматривали Ношу, внука Вонка. Зачем-то заводили мальчишку внутрь птицы. Утром первого дня забрали, а вечером второго дня отпустили. Зачем – никто так и не узнал. Беда заключалась в том, что Ношу с детства не мог говорить и ничего не слышал. Оно и понятно: у такого деда, врая, другого внука и быть не могло. Уж кто только не пробовал лечить Ношу. И мать Орайи пробовала, а она лечила травами всё племя. И в соседнее стойбище водили, к их матери-травнице. Ничего не помогло. Наверное, Боги тоже пробовали его научить говорить. Да только и Богам это оказалось не под силу. Вонкова кровь, чтоб её....

Вышел Ношу из тела птицы с частично вырванными из головы волосами. Над левым ухом. И с раной в том месте. Рана затянулась, потом заросла, будто ничего и не было. Как на собаке. Но говорить или слышать внук Вонка так и не научился.

А ещё один из Богов дал каждому члену племени в руку маленький, цвета малины, камушек и сказал своим странным голосом, чтобы все жители стойбища положили камушки себе на язык. Орайя первой сунула странный предмет в рот. Камушек оказался очень вкусным. Как только он растаял во рту, на языке тут же начало чуть-чуть щипать. Такой вкуснятины Орайя ещё никогда не ела. Да и никто из её племени никогда ничего подобного не ел. А после пришёл сон, долгий, приятный. Когда Орайя проснулась, Богов не было. Стояла ночь. Племя спало в пещере. Даже обычно не спящий, а чаще только дремавший Вонк храпел на оленьих шкурах в дальнем углу, там, где обычно прятались по ночам брат Орайи со своей женой. После все долго вспоминали тот вкус, который им подарили Боги. Да и самих Богов тоже вспоминали часто. Тем более что после той встречи птица Богов стала постоянно летать над стойбищем. Услышать птицу, когда та проносилась в небе, было нельзя, даже очень прислушиваясь. Птица издавала своё рычание только тогда, когда садилась на землю. А вот увидеть можно было все-

гда: птица оставляла за собой нежно – голубой свет, который потом, после того, как птица исчезала из глаз, долго ещё висел в небе, испарялся. В такие моменты каждый член племени падал на колени: Боги рядом!

Девочка, наконец, решилась: чуть сместилась вниз, при этом напряжённо ожидая внезапного появления зверя. В прошлое своё посещение Орайя допустила ошибку: хотела, как обычно, сразу войти в пещеру, не разведав подходы к ней. За что едва не поплатилась жизнью.

За две ночи перед её приходом уровень воды в реке, в которой племя Орайи ловило рыбу, неожиданно поднялся. Вода вышла из привычных берегов, затопив всё вокруг. Видимо это обстоятельство и поспособствовало тому, что любопытный Охту, один из множества грозных жителей реки, которые унесли на глубину не одну женщину и не одного ребёнка племени Орайи, для того, чтобы там полакомиться человеческим мясом, решил выйти за границы своего обычного места проживания и исследовать иные окрестности. Так он оказался в пещере. Пока вода прибывала, Охту чувствовал себя превосходно. И, видимо, заснул.

К утру паводок прекратился. Мало того, вода схлынула, и Охту стало очень неудобно в незнакомой обстановке. К полудню зверь хотел, было, выбраться, из каменного мешка, но его испугали люди. Племя с восторгом собирало рыбу, которой осталось во множестве на берегу, в небольших водоёмах: Боги смилостивились над людьми, сделали им подарок.

Охту сначала терпеливо ждал, когда люди уйдут с тропы. Но те всё не уходили. Ближе к вечеру оголодавший, перепуганный бог реки метался в природной западне, не зная, как ему поступить: то ли умирать в пещере от голода и жажды, то ли выбраться наружу, чтобы попасть под длинные отростки страшных, озлоблённых двуногих тварей. Старый, опытный Охту знал: как ни странно, но эти мягкие и такие вкусные люди, на самом деле очень сильные и злобные существа. Когда их много, они спокойно могут убить его своими длинными, твёрдыми отростками, которые всегда носят с собой. Как они когда-то сделали с его отцом, а потом и его сыном. И съесть. Как они съели и отца, и сына, развесив их шкуры на деревьях вдоль берега, для того, чтобы напугать других Охту, и показать, будто не Охту, а они хозяева реки. Охту тогда очень хотел отомстить людям, но испугался, что и сам будет точно так, же висеть на толстых ветках.

Ночь не предоставила зверю никаких шансов: люди развели на берегу костры. Как раз именно в том месте, где находился вход в каменный мешок.

Огня Охту боялся больше, чем людей. Он не раз видел, как горели его сородичи, когда те же самые люди загоняли их в огненные кольца. Как их тела изворачивались на огне, молча разевавая пасти, будто крича от боли. Запах сожженных заживо сородичей, потом долго преследовал Охту, а потому, любой огонь зверь старался обползать самыми дальними тропами. Но на этот раз сам Охту оказался в огненной западне. Огонь полыхал прямо перед входом в пещеру.

Зверь метался в каменном капкане. Его переполняли страх, жажда и голод. И какое из этих чувств было сильнее, трудно сказать.

Ближе к рассвету уставшие люди, вдоволь насытившись рыбой и плясками, отправились в стойбище, не потушив костров. Охту пришлось ещё несколько часов ждать, пока жар от догорающих углей спадёт. И только он, было, решился покинуть ненавистную пещеру, как у входа вдруг появилась пища. Еда сама пришла к нему. И хотя от неё исходил противный запах костра, всё равно, то была еда. И Охту кинулся на неё.

Орайя в то утро проснулась первой. Из своего небольшого жизненного опыта она знала: отец и другие соплеменники, после ночного, сытного пиршества будут отдыхать до тех пор, пока солнце не припечёт спины и бока, а потому у неё есть время сбегать в своё укромное место, чтобы нарисовать ещё один рисунок. Пытливое воображение юной художницы уже мысленно представило, что будет изображено в следующем её творении: танец на берегу. Костры, лижущие языками чёрные небеса. Много рыбы, вкусной и жирной. И пляшущие отец и мать вокруг костра....

Девочку спас голод животного.

Обычно Охту ведут себя крайне осторожно и сдержанно. Долго, терпеливо высматривают добычу, давая той возможность успокоиться и решить, будто никакой опасности нет. В такие моменты Охту, обычно, прячутся под коряги, или в траве, что растёт вдоль берега. Долго лежат, не шевелясь, ничем не выдавая своего присутствия. Только после, когда жертва успокаивается и начинает себя вести не настороженно, Охту приступают ко второму этапу охоты: медленно, тихо покидают место засады и начинают осторожно подбираться к будущему обеду. Иногда на путь от засады до жертвы затрачивается почти полдня. Но такая медлительность оправдывает себя. Жертва не должна догадаться о том, что на неё началась охота. Охту знал: как только будущая еда почувствует, что за ней следят, она, благодаря своим двум длинным ногам, тут же исчезнет в кустарнике или среди деревьев. А там Охту её догнать не сможет. Охту хорошо охотится только в своей стихии, в реке, или вблизи реки. В лесу Охту делать нечего. В лесу Охту сам может стать добычей. А потому Охту нападает на жертву только в самый последний, самый ответственный момент. В тот момент, когда он полностью становится уверенным в том, что жертва никуда от него не денется. Тогда зверь всем своим мощным, сильным телом стремительно выбрасывается из воды и кидается на будущий обед, разинув огромную, зубастую пасть. А до того Охту ведёт себя очень тихо и осторожно.

Но на этот раз голод и жажда решили всё за зверя.

Охту выдал хвост. Едва дочь вождя проникла в «клапан» кармана, зверь, почуяв запах плоти, не сдержался и с силой ударил хвостом о каменную стену. Орайя, не дойдя пару шагов до поворота к главной выемке, остановилась, прислушалась. Станный звук, донесшийся из глубины пещеры, насторожил девочку.

Конечно, Охту нужно было замереть, выждать. Тогда пища сама бы, из любопытства, заглянула вовнутрь. Но, в том, то и дело: ждать и терпеть, не было уже никаких сил.

Забыв обо всём, чему учили мать и природа, голодный, злой Охту бросился в извилистый проход. Орайя на секунду оторопела, неожиданно увидев перед собой страшную, раскрытую пасть. Зубы твари щёлкнули прямо перед её носом. Добыча была близка. Однако, дотянуться в одном прыжке до желанного и такого вкусного мяса, у зверя не получилось: помешал поворот прохода. Чем и воспользовалась жертва.

Все инстинкты девочки, выросшей в условиях дикой природы, среди сильных и, нередко, страшных зверей, моментально подсказали, что нужно делать. Орайя, не раздумывая, тут же подпрыгнула, правой ногой оттолкнулась от носа оскаленной морды хищника, взлетела вверх, вцепилась руками за один из наскальных выступов, подтянула гибкое, сильное тело и спустя секунду, оказалась на небольшой, наклонной площадке, до которой Охту никак не мог дотянуться.

Зверь, в изумлении задрал морду, несколько раз щёлкнул зубами, будто не веря, что еда так быстро покинула его.

– Глупый Охту! – Крикнула Орайя вглубь пещеры, вложив в голос все пережитые эмоции. – Тебе только со старым Вонком тягаться. Да и того не обмануть!

Сердце девочки гулко стучало в груди, от пережитого страха, и от восторга от собственной смелости. Да, вряд ли бы кто из её подружек смог вот так поступить с омерзительным Охту. Это ж надо додуматься: взять и наступить на его зубастую страшную пасть. Нет, только она, Орайя, дочь самого смелого и самого сильного война племени, могла сделать подобное. Все остальные, наверняка превратились бы в камень и отдали себя в пасть богу реки. Вон он, бог, смотрит на неё, задрал от удивления оскаленную морду.

– Йэйла! – Снова в восторге крикнула девочка, нащупала рукой небольшой камень, с её кулачок, и с силой метнула в голову зверя. Удар пришёлся в лоб твари, покрытый, как знала Орайя, из прочной и очень твёрдой, как камень, кожи. Зверь, конечно, ничего не почувствовал. Орайя, из рассказов отца, знала: чтобы убить Охту, нужно добраться до его живота. Там кожа у Охту нежная и мягкая. Но Охту редко показывает свой живот, а потому убить его очень

тяжело. Конечно, показывать свой живот Орайе бог реки не собирался. А потому, девочка, с удовольствием, метнула в голову зверя ещё один камень. И, как показалось Орайе, именно этот камень всё и решил.

То ли зверю стало больно, то ли не понравилось поведение убежавшей от него еды, а, может, испугался, что люди снова могут вернуться на берег и развести ненавистный огонь, словом, что бы там ни было, Охту решил далее не испытывать судьбу. Извиваясь всем своим гибким, сильным телом, страшная тварь ужом выползла из извилистого входа в пещеру, и тут же стремительно кинулась к реке. Даже не обратив внимания на то, как правая лапа наступила на ещё горящие остатки костра, а хвост оставил глубокую полосу в остывающем кострище.

Впрочем, Орайя, со своей площадки, ничего этого не видела. Она ещё некоторое время терпеливо выжидала, лёжа на скале: а вдруг Охту был не один? Вдруг ещё какой зверь покажется из глубины пещеры? Ждала до тех пор, пока холод камня не начал доставать до костей. Только тогда спустилась на землю и со всех ног кинулась в стойбище.

В пещеру Орайя снова пришла только сегодня, когда испуг полностью прошёл. На это ей понадобилось несколько дней. Теперь каждое своё посещение, решила девочка, буду начинать с того, что сначала, как это делают мужчины во время охоты, исследую подходы к пещере, проверю, нет ли там кого, и только после войду внутрь.

Орайя набралась смелости, прыгнула на землю. Осторожно, совсем не слышно, пройдя сквозь извилистый коридор, девочка оказалась перед прохладной каменной норой. Сердце гулко стучало в груди, тело напряглось в ожидании. Однако ничего не произошло. Пещера оказалась пуста.

Орайя перевела дух, вытерла грязной рукой пот со лба: убила бы этого Охту, попадись он ей сейчас....

Пещера не была такой огромной, как та, в которой проживало племя, но вполне могла вместить в себя всё большое семейство отца Орайи и всех её подруг, и не только их. О чём девочка уже не раз думала, но всякий раз эти размышления так и оставались мыслями.

Орайя давно бы привела сюда соплеменников, если бы не рисунки. Те самые рисунки, которые она рисовала на стенах, и над которыми, наверняка, станут смеяться все её друзья, все охотники и женщины племени, в том числе отец и мать. Только одна эта мысль, что она станет посмешищем племени, останавливала душевные порывы девочки.

Орайя ещё раз огляделась, вроде, никого, но, на всякий случай, решила перестраховаться. Специально повернулась к пещере спиной, делая вид, будто полностью спокойна, и тут же в прыжке развернулась, готовая принять удар, или увернуться от него. Она знала повадки многих зверей, потому, решила схитрить. Однако на неё никто не кинулся, никто из песка не выпрыгнул, и из тёмного, спрятанного от солнца дальнего угла не появился. Пещера действительно оказалась пуста. Выдох облегчения сам собой вырвался из хрупкой груди.

Орайя подняла руку, привстала на цыпочки, нащупала небольшую выемку в скале, а в ней два уголька.

Сегодня она не станет подправлять прежние рисунки, хотя ей очень нравилось вставлять дополнительные элементы в уже нанесённые на скалу изображения животных, птиц, людей и Богов, тем самым, улучшая картины. Нет, сегодня она напишет новый рисунок. Сегодня она расскажет о том, что пережила недавно. Сегодня она, в рисунке, расскажет о своём страхе.

Спустя несколько минут, на уровне глаз девочки, со скалы, с силой сжав зубастую пасть, смотрел прямо ей в душу, голодный Охту.....

Год 2014-й, после Р.Х., Москва, конференция Ассоциации сторонников альтернативной истории (АСАИ).

Медный колокольчик весело тренькнул, призывая присутствующих к вниманию.

Женька нервно провёл ладонями рук о джинсы, хотя в том не имелось никакой надобности, в который раз пробежал беглым взглядом по тексту доклада, распечатанном на двадцати двух листах бумаги формата А-4. Собственно, сам доклад был не нужен: выступление репетировалось перед зеркалом раз двадцать, и сейчас достаточно было иметь перед собой только лист с планом выступления. Однако, по непонятной даже самому себе причине, Михайловский решил захватить весь текст, в полном объёме.

Собрание, где готовился сделать сообщение врач из Киева, проходило в конференц-зале, по старой памяти, предоставленном сторонникам альтернативной истории ректором Московского химико-технологического института. Подобного рода заседание проходило здесь не в первый раз: сообщество сторонников АИ (альтернативной истории) существовало более десятка лет, и с каждым годом число его членов всё более и более увеличивалось за счёт новых приверженцев «скрытой», неизвестной истории. Чаще всего, то были не профессиональные историки. Инженеры, преподаватели, архитекторы, как Женька, врачи... Но у каждого из них имелись личные, наработки, подтверждающие их причину появления в сообществе. Опубликовать свои размышления можно было двумя способами. Либо выложить их на сайте сообщества, либо прочесть доклад на открытой конференции. Женька выбрал второе.

Михайловский волновался. Во-первых, то был его первый доклад не связанный с основным родом деятельности, практической психологией. Во-вторых, доклад следовало зачитать в среде людей, которые не только теоретически, как он, изучали неофициальную, неизвестную, а подчас даже запрещённую официальной наукой историю Земли, но и сами, лично, неоднократно побывали в тех местах, о которых Женька собирался поведать. При этом следует заметить, многое из того, о чём он будет рассказывать, они видели собственными глазами, и даже трогали руками, в то время как он, киевский врач, об этом только читал в книгах, или видел на видео. В зале присутствовали герои документальных фильмов, которые лично изучали блоки в Египте. Те, кто видел вблизи следы древних цивилизаций в Боливии и Перу, кто искал подобного рода наследие в Японии и Мексике. Те, кого знали миллионы телезрителей, в той, или иной степени интересующиеся прошлым. И это больше всего нервировало Женьку. Однако, иного пути уже не было. Заявка на выступление принята, он официально объявлен, а потому, отступать некуда.

Михайловский ещё раз перелистнул доклад, и... закрыл его, припечатав сверху ладонью. Ну, подумаешь, высмеют. В первый раз, что ли? Опять же, с другой стороны, мысленно аргументировал себе Женька, вчера выступали физик, архитектор, даже шахтёр с Кузбасса. Чем я хуже их? Да ничем.

А всё одно тело была нервная дрожь.

Сегодня шёл второй день конференции. Вчера выступило более десятка докладчиков с различными темами, объединёнными одной идеей: история, которую мы знаем со школьной скамьи, является не совсем такой, как нам её преподносят. Чаще всего в зале звучали слова «пирамиды», «мегалиты», «разломы», и так далее. После каждого выступления разгорались горячие дебаты, в которых Евгений участия не принимал. Только наблюдал. Готовился. Морально. К отражению наступления против него самого.

По непонятной причине, Женька вдолбил себе в голову, будто сообщение, которое он подготовил, не будет иметь сторонников ни в первом, ни во втором лагерях, потому, как тема, которую он собирался поднять, неоднократно, по касательной, в той, или иной степени, но, тем не менее, уже неоднократно озвучивалась в этом зале вчера. И сторонников, как заметил Михайловский, она действительно не имела. Правда, тут же подкорректировал мысль Женька, озвучивалась она, в основном, в свете рассмотрения Библейских текстов. С научной же, или хотя бы с околonaучной, как у него, точки зрения к ней никто не подходил. То был плюс. Точнее, тут же поправился Евгений, маленький, малюсенький плюсик, который мало успокаивает.

Колокольчик тренькнул вторично.

Михайловский нервно провел рукой по трёхдневной щетине: бритва «сдохла» перед поездкой, купить новую не успел. Ещё одна причина нервничать. Точнее, намёк свыше: не фиг лезть не в свои сани, да с такой рожей.

Звонок в третий раз радостно дал знать о себе: теперь точно, отступать некуда.

– Простите, что отнимаю время.... – Несколько робко начал Евгений, склонившись прописной буквой «Г» над трибуной: чёртов микрофон находился слишком далеко от лица. Докладчик вдруг поймал себя на мысли, что он как-то глупо смотрится в таком полунаклонном состоянии, даже пересохло во рту. Вот гадость, чертыхнулся Женька, и тут же мысленно обматюкал себя: да, в конце – концов, будь мужиком! Ты имеешь точно такое же право на свою точку зрения, как и они. Дерзай! С последним приказом тело само собой выпрямилось, руки потянулись к микрофонной стойке, поправили её. – Тема моего доклада, – о, и голос, вроде, окреп, – «Потоп и, как причины его возникновения, искусственный ледяной купол вокруг Земли».

Сделал паузу, в ожидании смеха, колкостей, едких замечаний.

Ничего подобного не произошло. Все терпеливо ждали продолжения. Мало того, в глазах присутствующих докладчик увидел заинтересованность и любопытство. Конечно, сие совсем не означало, будто у него в зале появилась поддержка, но и то, что не осмеивают тоже неплохо.

– Только не подумайте, будто я начитался Казанцева².... – Неожиданно даже для самого себя ляпнул Евгений и споткнулся на окончании фразы. Причём тут Казанцев?

– Далеко не самый худший пример для подражания. – Неожиданно донеслось с первого ряда. Михайловский вскинул голову, столкнулся с пристальным, целеустремлённым взглядом, который внимательно изучал докладчика сквозь очки в тонкой, металлической оправе. Взгляд принадлежал организатору встречи, руководителю Ассоциации сторонников альтернативной истории (АСАИ), человеку хорошо известному как в кругах историков, так и за их пределами, благодаря личному вкладу в изучение некоторых вопросов прошлого Земли, к которым историки – ортодоксы боялись даже прикоснуться. – Итак, вы имеете в виду ледяной купол?

– Сферу изо льда. И то, что находилось в тот момент под данной ледяной коркой. И, если вы не будете против, – Женька в упор смотрел на поддержавшего его мужчину, который своим внешним видом очень сильно напоминал папу Дяди Фёдора из мультика про Простоквашино, – я начну своё выступление с выдержки из вашей работы.

Не дожидаясь реакции организатора встречи, Михайловский вторично глубоко склонился над распечатанным текстом: со зрением у доктора имелись проблемы, а освещение в зале, особенно в районе трибуны, явно было не достаточным. Поверх сообщения лежали листы с цитатами и выдержками из чужих работ, которые Женька собирался использовать, и которые заранее заготовил ещё в Киеве.

– Разрешите процитировать. Итак, «Весной 1985 года³ в прибрежных водах небольшого японского острова Йонагуни местный инструктор....

– Простите, – донеслось из глубины зала, – мы знакомы с данной работой. Может, стоит сразу перейти к сути вопроса?

– Можно и не читать. – Неожиданно для всех согласился с оппонентом Евгений, и тут же продолжил. – Не подумайте, будто я хотел польстить присутствующему среди нас автору. Только если сейчас исключить данный текст из общего контекста доклада, а это заберёт вашего внимания всего одну минуту, то всё одно впоследствии к нему придётся возвратиться. Потому, как данное сообщение полностью укладывается в цепочку моих умозаключений о ледяном куполе. Так как, продолжить, или начать с середины?

---

² Имеется в виду роман писателя – фантаста А. П. Казанцева «Купол Надежды».

³ Текст принадлежит А. Ю. Склярову, работа «Пирамиды. Загадки строительства и назначения», глава «Псевдопирамиды», издательство «Вече», Москва, 2013 год.

Мужчина, которому принадлежал вопрос, хмыкнул, после чего кивнул головой: продолжайте.

Евгений вторично вцепился взглядом в текст.

– Итак, местный инструктор по дайвингу Кихачиро Аратаке обнаружил в прибрежных водах громадный каменный монумент, простиравшийся до пределов видимости. Широкие ровные платформы, покрытые орнаментом, из прямоугольников и ромбов, переходили в замысловатые террасы, сбегаящие вниз большими ступенями. Край объекта обрывался вертикально вниз до самого дна на глубину 27 метров, образуя одну из стен траншеи, проходящей вдоль всего монумента. Позднее, в 1998 году, было начато широкое, междотраслевое научное исследование данного подводного объекта, результаты которого были доложены на конференции в Японии в 2001 году.

Вывод, на котором сошлись специалисты, гласил: объект в водах Йонагуни имеет природное происхождение, но обладает следами искусственной обработки – в частности, сохранились специально прорубленные желоба и следы разметки под вырубку блоков. По сути, подводный монумент является лишь очень древним карьером.

Основанием для вывода о древнем возрасте карьера изначально послужила глубина его расположения. Дело в том, что карьер явно мог разрабатываться, лишь, будучи на суше, а следов какого-либо катастрофического опускания данного участка на морское дно нет. Получается, что карьер оказался под водой в результате изменения уровня Мирового океана в ходе последних тысячелетий. Только вот скорость этого изменения такова, что карьер мог находиться на поверхности 10–15 тысяч лет назад – за много тысяч лет до того, как по представлениям историков здесь появилась хоть сколь-нибудь развитая цивилизация.

Позднее вывод был подтверждён анализом возраста сталактитов, обнаруженных в подводной пещере неподалёку от карьера. Сталактиты под водой не образуются, они формируются только в сухой пещере. А образование найденных сталактитов закончилось как раз те же 10–15 тысяч лет назад.

Михайловский оторвал взгляд от текста.

– Сегодня, сам факт того, что уровень Мирового океана некогда поднялся на несколько десятков метров, никем не оспаривается. Только стоит два вопроса. Первый: почему поднялся уровень? И второй: насколько быстро поднимался данный новый уровень? Начнём со второго вопроса. И в качестве аргумента я возьму Чёрное, Азовское моря и Средиземноморье. – Женька хотел было прокашляться, но сдержался. Ему показалось неприличным подносить большой, крепкий кулак ко рту, в то время, как на него уставилось несколько десятков пар глаз. – Точнее, я беру, в качестве аргументации, археологические находки, сделанные на дне вышеуказанных морей. Замечу, я неслучайно взял за пример данную акваторию. О причинах, чуть позже. Начнём с найденного вблизи Греции города Павлопетри. – Докладчик всё-таки не сдержался, прокашлялся. – Сама находка, на данный момент, находится в состоянии первичного исследования, но некоторые выводы по ней уже имеются. Первый. Город, как утверждают археологи, был затоплен не ранее 7000 лет назад. Повторюсь, не ранее 7000 лет. Иначе говоря, город мог затонуть и в седьмом, и в восьмом и двенадцатом тысячелетиях. А то и ещё раньше. Я же придерживаюсь мнения, что Павлопетри затонул не в седьмом, и не в двадцатом тысячелетии до Нашей Эры. Думаю, он ушёл под воду одновременно с объектом в Йонагуни. И причина их затопления одна и та же: всемирный Потоп. Вот что сказал о времени затопления Павлопетри руководитель группы исследователей, доктор Джон Хэндерсон, – Михайловский снова уткнулся в лежащий перед ним доклад, – "Уровень моря может повышаться и понижаться по многим причинам... Однако мы знаем одно, то, что уровень моря в Средиземноморье изменялся очень незначительно, начиная с 5000 лет до нашей эры (плюс или минус около 50 см каждую тысячу лет). Таким образом, утверждает Хэндерсон, мы не можем рассматри-

вать изменение уровня моря как причинный фактор для погружения Павлопетри⁴. – Докладчик отложил лист в сторону. – Странное окончание цитаты, не правда ли? Город находится на дне моря, а историк утверждает, «...мы не можем рассматривать изменение уровня моря как причинный фактор для погружения Павлопетри». Сам собой напрашивается вопрос: что имел в виду Хэндерсон за столь неоднозначной цитатой? Я предполагаю одно: данной фразой учёный, как бы соединил личные выводы с официальной версией монументальной истории. Именно потому он и отметил, что уровень Средиземного моря, начиная с пятого тысячелетия до Нашей Эры поднимался крайне медленно, и это поднятие уровня, начиная с пятого тысячелетия, уже никак не могло влиять на Павлопетри, потому, как город, к тому моменту, уже находился под водой. Но вот о чём промолчал учёный, так это о том, что Павлопетри ушёл под воду не медленно, в течение столетий, а, то и тысячелетий, а практически, моментально. И тому имеются доказательства.

На месте подводных изысканий доктором Хэндерсоном и его людьми найдены предметы домашней утвари: разного рода глиняная посуда, среди которой особое место занимает глиняное сито, предназначенное для изготовления некоего спиртного напитка, как утверждает член экспедиции, доктор Крисанти Гэлау... А теперь попрошу соединить два события в одно целое, как это некогда сделала природа. Соединить высказывание доктора Хэндерсона и найденные археологические находки. Как понимаете, я не случайно отметил факт нахождения посуды. Особенно сита. В древние времена, как всем нам хорошо известно, не существовало ни заводов, ни фабрик по изготовлению домашней утвари. Всё создавалось кустарным способом, а потому, подобного рода посуда ценилась очень высоко. Опять же, месторождения глины, из которой изготавливали посуду, находились не через каждые десять метров: их нужно было искать, добывать, после доставлять глину в мастерскую, изготавливать посуду, менять, или продавать её... И это при том, что мы имеем дело с обществом, которое, в сравнении с нами, только – только вышло из первобытного состояния. Да для каждого человека того времени такая простая, глиняная посуда расценивалась, фигурально выражаясь, на вес золота. Да что говорить о людях прошлого? Сегодня, при наличии промышленных мощностей, мы, переезжая с места на место, возим с собой любимую посуду. Я думаю, никто из присутствующих не поверит в то, будто древние люди были более расточительны, чем мы. А в затонувшем Павлопетри посуда буквально разбросана по дну моря. Понятно было бы, если одна, две семьи бросили посуду за ненадобностью. Но, относительное множество подобного рода археологических находок находят на всём побережье Средиземноморья. И не только там. И в Чёрном, и в Азовском морях. Я очень сомневаюсь в том, что в те трудные, тяжёлые времена, большинство хозяев, имея возможность вывезти своё имущество с собой, (а так бы оно и произошло, если бы уровень моря поднимался постепенно), тем не менее, просто так, без причин, бросили на произвол судьбы любимую, дорогую посуду, и покинули жилище налегке. И уж тем более, я не поверю в то, что хозяин мог просто так выбросить орудие производства, в виде специально изготовленного сита, предмета, на котором можно заработать себе в будущем на хлеб насущный. Скорее всего, дело обстояло иначе. Исходя из вышесказанного, и, вспоминая цитату Хэндерсона, точнее, намёк, который сделан в ней, я предполагаю следующее: Павлопетри ушёл под воду не постепенно, в течение нескольких столетий, или тысячелетий, как то утверждает официальная история. Он исчез с лица Земли в течение нескольких суток, если не часов. Причём, его не задела волна цунами.

По залу прошёл шорох, но Женька не обратил на него никакого внимания. Его, что называется, понесло.

– Да, я считаю, что Павлопетри исчез с лица Земли практически, мгновенно. Настолько стремительно, что жители города не успели спасти имущество. Да, впрочем, какое имуще-

⁴ Сайт Gresomania.ru, статья «Самый древний затопленный город».

ство.... Вполне возможно, они и сами не успели спастись. Сразу отмечу: гипотеза о большой приливной волне, цунами, отпадает сама собой, в связи с найденными целыми, особо отмечая это слово, именно целыми археологическими находками. Цунами, их бы обязательно разрушила, уничтожила, смыла. Хотя, это никак не опровергает гипотезу всемирной приливной волны. Просто, огромная волна обошла стороной Средиземноморье, и Чёрное с Азовским моря. Однако, последствия цунами отразились на данном участке Земли. – Голова докладчика на миг вскинулась, и тут же снова опустилась к микрофону, – Повторюсь, подобного рода находки – доказательства найдены не только в Средиземноморье, но и в районе Чёрного и Азовского морей. Как в районе Греции, так и в районах Турции, Грузии, Украины, России, Болгарии. К примеру, во время подводных исследований затонувших поселений у берегов Сочи и Анапы нашими учёными найдены многочисленные предметы бытового применения из глины, включая амфоры. И подобного рода археологические находки встречаются по всему побережью всех трёх морей. И если ещё можно поверить в то, как пытаются убедить некоторые оппоненты, что жители города Павлопетри были, простите за грубое выражение, слишком заевшимися богачами, которые спокойно могли бросить свой скарб и отправиться восвояси налегке, то уж поверить в то, что точно такими же богачами были жители и всех других поселений на берегах трёх морей, крайне тяжело. Но, тем не менее, жители по всему побережью Чёрного и Азовского морей бросали своё имущество и покидали города. Либо, уходили под воду со своим скарбом. Что, как, на мой взгляд, говорит об одном, – Женька перевёл дух и выдохнул, – жители всех будущих затонувших поселений во всех трёх морях неожиданно столкнулись с одной проблемой: со стремительно увеличивающимся уровнем воды, в виде, как приливной волны, так и выпада осадков, в виде дождя, или града. Именно отсюда и имеет место многочисленность археологических находок, найденных в точках затоплений древних поселений.

– Почему вы взяли за пример именно Чёрное море? – данный вопрос принадлежал женщине. Впрочем, рассмотреть её Женька не успел. Как и ответить. Вместо него ответил мужчина, с третьего ряда, с точно такой же щетиной, как у докладчика. Мужик из Челябинска, вспомнилось Женьке, вчера читал доклад о дольменах.

– До поднятия уровня Мирового океана Чёрное море было пресноводным озером. – Тем временем вещал челябинец. – Именно поднятие уровня Мирового океана сделало пресноводное водохранилище солёным морем. В открытом океане, на просторе, мощная приливная волна, подобного рода городища раскидала бы на сотни, если не на тысячи метров. Естественно, в подобных условиях, шансы найти на глубине фрагменты керамики, равны нулю. В нашем случае произошло следующее. Вселенское, другого слова тут просто не подобрать, цунами прошло стороной, практически не задев территорию Средиземного, Чёрного и Азовского морей. Однако, удар волны был таков, что вода из Атлантического океана хлынула в горловину Гибралтарского пролива, оттуда в Средиземное море, а уже из него, в будущие Чёрное и Азовское моря. Как понимаете, чем глубже вода входила в материк, тем больше было сопротивление. И если в начале вхождения волна всё сметала на своём пути, то уже на подступах к Чёрному морю, в районе Павлопетри, сила удара была смягчена настолько, что на побережьях Средиземного, и будущих Чёрного и Азовского морей жители наблюдали пусть и огромную, но, тем не менее, простую штормовую волну, которая была в разы меньше цунами, однако, быстро затапливала близлежащую местность. Если я правильно понял докладчика, отсюда и большая концентрация хорошо сохранившихся археологических находок. Цунами действительно всё стёрло бы с лица Земли, не оставив и следа. Штормовая же волна основательно повредила дома и то, что находилось на тот момент внутри них, однако, не ликвидировала их полностью. В этом плане я согласен с докладчиком. Вопрос в другом, – на этот раз мужчина повернулся в сторону Михайловского, – почему вы решили соединить события, связанные с Йонагуни с событиями в Чёрном и Средиземном морях?

Год 11568 до Р. Х., межпланетная трасса Отта – Эя (сегодня, Марс – Земля), Треста Седьмая экспедиция, транспортное судно «Элта».

Снова сон. Только на этот раз ещё более странный.

Ноги Ола заливают вода. Грязная, мутная, вонючая. Откуда появилась болотистая жижа, понять невозможно. Впрочем, её появление не удивляет этнобиолога. Ол предчувствовал, а, может, знал, что она появится. Потому, сам факт её появления не взволновал доктора. А вот пропажа камня испугало, и очень сильно. Почему? – Мозг самостоятельно, будто находился вне человеческого тела, принялся анализировать ситуацию. – Почему так напугало исчезновение камня? Может, то был вовсе не камень? А что? Плита? Нет, плита иная на ощупь: плоская, с явно выраженными краями. А ему нужен камень. Обыкновенный камень, каких полно вокруг: катышки, с гладкими, скруглёнными краями. Но почему пропажа именно этого будыжника так испугало? Всё-таки, что-то в том камне было. Или есть? А, может, будет? Конечно, будет, если он его найдёт.

Ол во сне наклонился, принялся шарить руками в грязной воде. Где же он? Где? Пальцы всё время натыкаются на вязкую, противную слизь. Может с правой стороны? Пусто. С левой – тоже. А если остался за спиной? Возвращаться? Но вода прибывает, уже выше колен. А, может, это вообще не то место? Может, он потерял его где-то раньше, и только сейчас вспомнил об этом?

Ол распрямился, осмотрелся. Лес, небо, скалы – всё исчезло. Осталось только грязное водянистое пятно. В центре, которого он, Ол. Страшно. Жутко. Захотелось уйти, убежать. Нога сделала шаг в сторону, тут же наткнулась на большой твёрдый предмет.

Этнобиолог наклонился, запустил руки в грязь. Нашупал, вытянул предмет из воды.

Камень имел яйцевидно-овальную форму. И то не был результат обработки. Сама природа сделала огромный булыжник гладким и обтекаемым. Ол понятия не имел, откуда он об этом знал. Но в том, что всё случилось именно так, нисколько не сомневался.

От принятой на грудь тяжести, ноги учёного погрузились в ил по косточку, и погружение продолжалось. Однако, мужчина теперь ничего не боялся. Камень найден, бояться нечего.

Руки этнобиолога приподняли булыжник чуть выше, раскачали, подкинули в воздух, таким образом, перевернув его. Снова поймали. Теперь взгляду учёного открылась обратная сторона. Док радостно вскрикнул: обнаружилось искомое, гравировка. И хотя рисунок покрыт грязью, часть его видна. Несколько полосок, соединённых вместе одной длинной, более глубокой линией. Похоже на перо птицы. Или крыло. А, может, растущая трава? Чтобы рассмотреть, необходимо смыть грязь с камня. Однако, именно это Ол и не решается сделать, боится снова потерять булыжник, потому, как знает, более его не найдёт.

Тем временем ноги погрузились в ил по колено, а водный поток давит в спину. И с каждой секундой поднимался всё выше и выше. Ол, во сне, почувствовал зарождение ужаса. Брось камень! – Говорит голос внутри него. – Кинь! Ты успеешь спастись! Камень погубит тебя.

Однако, нечто иное, что, Ол не знал, но тоже находящееся внутри, твердит обратное: не бросай! Не смей бросать!

Тем временем вода поднялась до шеи. Захлестнула камень, омыла его поверхность. Вот только что там за рисунок, разглядеть всё одно невозможно: старую грязь скрыла новая. И булыжник, вроде, как стал тяжелее. Или то поток так давит? Удар в руку. Что это? Дерево? Откуда тут могут быть деревья? А почему бы им не быть: ведь грязевой поток всё сметает на своём пути. Второй удар в ту же руку. Боль. Стон....

Именно в этот момент Ол понял, нет, не понял, почувствовал, ощутил: там, на Отте, умер отец. Связь с родиной прекратилась. Навсегда.

Год 11568 до Р. Х., третий спутник от Светила, Эя, координаты местности 014–277 (сегодня – планета Земля, север Зейского района Амурской области, Россия)

Охотники вернулись с пустыми руками и с пустыми глазами. Потные, уставшие мужчины не стали заходить внутрь пещер. Не выпуская из рук копий, расселись на камнях возле входа главной, самой большой пещеры, вокруг давно остывшего кострища. Такое поведение означало одно: произошло нечто чрезвычайное, что должно полностью повлиять на дальнейшую судьбу племени.

Старики степенно прошли к камням, заняли каждый своё, определённое статусом, место. Женщины и дети сбежались к вернувшимся мужьям и братьям, но те никак не отреагировали на их появление. Мало того: мужчины прятали глаза, будто все они, вместе, одновременно, совершили некий постыдный поступок. Нет, оно и понятно, вернулись с пустыми руками. Но ничего страшного Орайя в том не видела. Такое случалось и раньше.

Дело в том, что за дичью – кабаном, косулей, оленем, хэтком и очень вкусным, длинноухим лотту – нужно уходить далеко, в глубину Большого леса, туда, куда никто из женщин никогда не ходил. Пропавшие места, страшные. А всему причиной Трясущаяся земля. Ни олень, ни кабан, ни косуля, а именно их мясом предпочитали питаться соплеменники Орайи, не приближались к стойбищу именно из-за Трясущейся земли. Все звери боятся Трясущейся земли. Даже самый страшный зверь, бог Большого леса, лесной Охту и тот боится Трясущейся земли. А потому, чтобы получить столь вкусное и нежное мясо, охотникам приходится уходить на много – много дней.

Нередко зверь, по непонятной причине, исчезал из Большого леса. Племя довольствовалось тем, что плавало в реке и росло вблизи стойбища. Тогда наступали самые тяжёлые дни, но и они когда-то заканчивались. Зверь возвращался в лес, мясо снова жарилось над костром, вялилось в дыму, в пещерах слышался счастливый смех. Так что, ничего страшного в том, что охотники пришли пустыми, Орайя не видела. Можно потерпеть: в реке много рыбы, да и, если что, можно поймать Охту. Опять же, ягода выросла, сладкий корень появился, горький корень пророс из земли, с которым так приятно есть любое мясо, что оленя, что рыбы. Причин пухнуть с голоду, нет. И ещё: охотники вернулись все, никто не остался в лесу навечно. Ни один вдовый плач не будет сегодня разноситься над стойбищем. Тогда почему мужчины прячут глаза? Почему отец не смотрит на неё? Прошёл мимо, будто Орайя не стояла на его пути? И щеки матери не коснулся, как обычно делал, когда возвращался с охоты. Мало того, Норк, отец Орайи, молча, кивнул старому Вонку, на холодное кострище, мол, разожги. Тут Орайя совсем растерялась.

Большой Огонь разжигали только в одном случае: когда племя должно было принять судьбоносное решение, касающееся каждого соплеменника. В последний раз Большой Огонь горел, когда Норк поставил перед племенем вопрос о своём отце, деде Орайи, Ндтоте, старом охотнике, который давно уже болел, а в последние дни ещё и перестал вставать. От чего в пещере стоял тяжёлый смрад от загноившихся ран и испражнений. Однако все терпели и ухаживали за ним. Ндтота уважали. И не потому, что он был отцом вождя. Ндтот научил охотиться почти всех мужчин племени. Он был самым старым охотником, пережившим всех своих друзей и родственников, кроме сына. Даже Вонк учился у него, хотя сам уже тоже не ходит на охоту по причине слабости зрения и ног. Потому все терпеливо переносили смрад от старика. А Боги всё никак не желали забрать душу старого вождя. Потому Норк и разжёл костёр. И первым сказал о том, что отец должен покинуть племя. Как только он произнёс эти слова, всем стало легче. Хотя, после слов Норка никто так и не решился высказаться о том, как ему надоело проживать рядом с живым трупом. Когда молчаливое решение было принято, костёр потушили. Норк сам отнёс отца в лес, где пробыл с ним два дня и две ночи. Никто и никогда

не спрашивал вождя о том, что случилось с Ндтотом. Все ответы на этот вопрос были видны в той седине в волосах, которую принёс из леса вождь.

И вот новый костёр.

Вскоре охотники, не выпуская копий из рук, расселись вокруг кострища, за спинами старейшин. Женщины и дети, молча, встали за их спинами, в ожидании ответа на один вопрос: что произошло?

Норк обвёл долгим взглядом сидевших и стоявших соплеменников, после чего провёл рукой по грязной, скомканной бороде:

– Нужно уходить.

Женщины встрепнулись. Как? Зачем? Почему? Рыбы в реке много. Пусть трудно стало добывать крупного зверя, но мелкого-то в достатке. Опять же, ягода, корни, плоды деревьев....

Норк резко вскинул правую руку, все замолчали.

– Нам нужно уходить, потому что так хотят Боги.

Орайя замерла. Речь зашла о Богах. Что ещё нового отец расскажет про них?

Норк, тем временем, продолжал:

– Навсегда закройте мне рот, если говорю неправду. – Тяжёлым взглядом обвёл всех присутствующих. После чего начал рассказ. – Мы преследовали Ани. – Ладонь Норка, с растопыренными пальцами, несколько раз поднялась вверх. – Вот столько дней мы гнались за ним.

Орайя, приоткрыв рот, в восторге замерла, в ожидании продолжения. У девочки захватило дух: теперь рассказ вообще стал намного интереснее. Оказывается, отец ещё преследовал и Ани!

Ани мог прославить любого охотника. Большой, зубастый, очень умный хищник с мягкой, тёплой шкурой. На такой шкуре приятно лежать и спать. В их племени есть только две шкуры Ани. И они уже старые, местами вытертые до дыр, но, тем не менее, очень тёплые и уютные. В них всегда по ночам спят только малыши, пока не научатся ходить. За шкурами внимательно следят. Каждый день просушивают и проветривают, чтобы не завелись черви. Но убить Ани очень тяжело. Ани не Охту. Он может и на дерево влезть, и на скалу прыгнуть, а, если нужно, и реку переплыть. У Ани крепкие, большие, острые когти на лапах. Когда Ани проводит когтями по коре дерева, на нём навечно остаются глубокие, сочащиеся раны. И ещё у Ани из пасти торчат огромные клыки, каждый с ладонь Орайи. Нет, даже с две ладони! Никто из охотников не ходит охотиться на Ани в одиночку. Одиночки сами становятся дичью для Ани. Потому, слава о тех, кто победил Ани, живёт намного дольше, чем живут сами охотники. И о них всегда говорят: это они убили Ани, те, когда вождём племени был... Вот так могли сказать и про её отца. Но что там произошло дальше?

А Норк, тем временем, продолжил повествование:

– И он бы от нас не ушёл, хоть и пытался запутать следы. – Охотники утвердительно закивали головами. – Очень умным оказался этот Ани. Мудрым. Опытным. Долго пытался спасти себе жизнь. Петлял, покрывал новыми следами старый след, стараясь сбить нас с толку. Но так и не смог. Не одну ночь мы гнали его, думая, вот – вот убьём. На рассвете Ани вывел нас к племени Шарха. – Ого, рот Орайи в удивлении приоткрылся, далековато зашёл отец. Идти до племени Шарха, как знала Орайя из рассказов Вонка, столько дней, сколько пальцев на обеих её руках, да и тех не хватит. Оно проживало где-то очень далеко, там, где, как рассказывал отец, одна в одну вападают две большие реки. В том месте, где реки сливались, не видно даже противоположного берега. Вот какие большие реки. И люди Шарха живут не в каменных пещерах, как люди Норка, а в земляных норах. Что очень странно. В каменной-то пещере намного уютнее. Впрочем, то, что сказал отец дальше, заставило Орайю встрепнуться и забыть предыдущую мысль. – Нет больше ни Шарха, ни его племени.

Над стойбищем нависло молчание. Такое глубокое, что даже слышен был писк комара.

– Боги наказали Шарха.

– Как наказали? – не сдержалась Орайя.

В другой раз, за подобный проступок, её бы наградили крепким подзатыльником, но сейчас никто не обратил внимания, кем произнесена фраза. Главное, прозвучала мысль, которая волновала всех: Боги наказали Шарха?

– Боги сожгли его стойбище. Всё! До тла! – Не сдержался, вскочил на ноги Оод, самый молодой охотник племени. – Небесная птица опустилась рядом со стойбищем. Птица Богов забрала в свой живот всех, кто мог идти. Тех, кто не мог, Боги перенесли в большую нору. А после... – Голос Оода задрожал. – Потом птица Богов взлетела, опустилась над норой и выпустила из клюва огонь, который сжёг всё вокруг. И нору, и людей, и деревья... Мы видели... Я видел, как огонь ворвался в нору Шарха. Даже когда всё сгорело, клюв ещё долгое время плевал огнём. Очень долго горело стойбище Шарха. И очень долго доносились крики людей. Когда земля раскалилась, как эта головешка, – охотник кивнул на костёр, – птица Богов залила водой всё вокруг.

– Сначала птица выплюнула огонь, а потом воду? – раздался со всех сторон недоверчивые голоса.

– Да. – Оод с силой затряс головой. – Мы сами удивились.

– Боги сожгли и Ани. – Неожиданно вставил реплику друг вождя, Лик. – Когда Боги улетели, мы выбрались из кустов, в которых прятались, хотели забрать мясо Ани, или его клыки, но нашли только это. – С последними словами охотник поднял с земли пепел от костра.

Долго стояла тишина над стойбищем. Очень долго.

Первым её нарушил Хорк, отец Лика:

– Почему вождь решил, будто нам нужно уходить? Только потому, что Боги наказали Шарха? Но это ничего не значит. – Среди охотников послышался недовольный ропот, однако старик прекратил его жестом поднятой ладони. – Сколько дней понадобилось охотникам, чтобы вернуться домой?

Лик, бросив недоумённый взгляд на Норка, поднял обе руки с растопыренными пальцами. Сжал их в кулаки. Ещё дважды распахнул ладони. Только на третий раз на одной руке оставил открытыми три пальца (большой и мизинец, оставил прижатыми к ладони).

– Вот сколько дней понадобилось для вашего возвращения... – Хорк указал пальцем на руки сына. – А сколько птице Богов нужно дней, чтобы долететь до нас? – Норк догадался, куда клонит старик. И склонил голову: об этом он как-то не подумал. – Птица Богов пролетит весь этот путь за один день. А, может, и меньше. Все видели, как быстро летает птица Богов. Быстрее всех других птиц. Даже летающего Охту. – Хорк осуждающе покачал головой. – Если бы Боги захотели наказать и нас, они бы давно это сделали. А вы бы вернулись на пепелище. Однако мы не видели Богов. Значит, нам нечего бояться, потому, как нам не за что мстить. Шарх сам виноват. Богам нужно поклоняться. А он всегда считал себя наравне с ними. Даже своё племя разместил поближе к Богам. Помню, как хвалился, мол, стал роднёй одному из Них, потому, как тот забрал к себе его дочь в жёны. Кто из вас может поверить в эти лживые слова? А даже если Бог и взял в жёны его дочь, имел ли он право хвастать? Никто из нас не может стать на одну землю рядом с Богом. Шарх был правильно наказан.

– Но почему Боги наказали всех, а не одного Шарха? – робко вытянул шею Оод.

– Потому, что они Боги. – Веско заметил Хорк. – Если они так решили – значит, так было нужно.

– А дети? В чём их вина?

– Хочешь встать против Богов? – Хорк оцарапал молодого охотника своим взглядом, чуть душу из того не вытянул. – Хочешь и на наше племя навлечь огонь с небес?

– То, что Шарх возомнил себя на одном камне с Богами, правда. – Согласно выдохнул отец Орайи. – Однако сомневаюсь, что Боги наказали его именно за это. Шарх хвастался родством с Богами много, очень много дней назад, когда моя Орайя делала первые шаги и ещё

спала в шкуре Ани. Сейчас она бегает, как молодой олень. Почему Боги наказали Шарха только сейчас? Зачем Боги так долго ждали? Нет, – тряхнул головой вождь, – племя Шарха погибло по другой причине. Боюсь, что по этой же причине Боги придут и к нам. А потому, считаю, мы должны уйти. Так мы сможем сохранить племя.

– Не всё! – заметил Хорк.

– Да, не всё. – Согласился вождь. – Но это лучше, чем погибнуть всем.

– Но куда идти? – Вскипел Хорк. – Лучшего места нам не найти. – Охотник развёл руками. – Река рядом. Лес. Тёплая пещера. Лесные Охту не приходят к нам, потому, что им мешают боги Трясущейся земли, которых лесные Охту боятся. Сами Боги нам подарили эту землю! Никогда ещё племя не было так защищено, как сейчас.

– Как нам Боги дали эту землю, так они у нас её и заберут. – Тут же отреагировал на слова старика вождь.

– Это право Богов, решать нашу судьбу. – Хорк обвёл взглядом соплеменников, как бы взывая к поддержке. – И если Боги захотят, они нас найдут везде, где бы мы ни прятались. Нам некуда идти – везде ждёт верная смерть.

– Можно пойти к Большой воде. – Робко вставил реплику сын Хорка, Лик. Все догадались: именно этот маршрут обсуждался охотниками по пути к дому.

Над поляной нависла тишина, которую разрушил дед глухонемого Ношу.

– Давно, очень давно, когда я был так же молод, как Лик, мы ходили к Большой воде. Нас тогда было столько, сколько пальцев на моих руках. Но вернулся оттуда один я. – Вонк поднялся со своего камня. Теперь у Орайи челюсть упала, чуть ли не до груди: ничего себе! Ладно, ей вратъ. Но не всему же племени... А, может, старик говорит правду? А что если... Да нет, не может быть... Чтобы Вонк, хитрый, хилый старикашка, и ходил до Большой воды... Даже её отец, самый сильный и смелый из всех мужчин племени никогда не ходил в ту сторону. Опять, Вонк врёт. Даже старейшинам! Всё-таки, нужно ему как-нибудь во сне воткнуть в губу шип! – До Большой воды много дней пути. – Тем временем продолжил рассказ старый охотник. Говорил серьёзно, без привычной усмешки на лице. – Очень много. Столько много, что руки устанут сжиматься в кулаки. Идти придётся через Трясущиеся земли, и не одну. Через Большие леса и Великие реки. Такие реки, в сравнении с которыми, наша река – ручеёк. – Орайя поморщилась: какой же у них ручеёк? Хорош ручеёк... Его даже переплыть трудно. Точно, Вонку нужно не только губу, но и язык проткнуть. А старый охотник, глядя в костёр, задумчиво продолжил. – Прежде чем добраться до Большой Воды, нам придётся принести жертву Богам Трясущейся земли. И не одну жертву.

– Какую жертву? – хмуро поинтересовался отец Орайи. Судя по всему, он поверил в рассказ старика.

Дед Ношу усмехнулся.

– Кого-то из нас, Норк. Может, меня. Может, тебя. А, может, нас обоих. Никто не знает, сколько жертв захотят Боги только за то, чтобы пропустить нас. Помню, как умер отец Хорка в Трясущейся земле, от укуса маленькой змейки. Гадюка была не длиннее моей руки и тонкая, как пруттик. Однако в ней было столько яда, что Аан скончался, не успев сделать и одного вдоха. А умирал очень тяжело. В судорогах, с пеной изо рта. Никому не пожелаю такой смерти. Наверное, Боги не любят принимать души тех, кого укусила змея. Но это ещё не всё. Потом свою долю захотят получить боги Большого леса. На нас будут охотиться Ани, вечно голодные Корди, скользкие, ядовитые Венки, лесные Охту. Это только те, кого вы знаете и видели. А вы видели очень мало, поверьте мне. Ближе к Большой воде Большие леса кишат такими тварями, о которых никто из вас ничего не знает, поскольку возле нашей пещеры мы никогда с ними не встречались. И все они будут хотеть убить вас. Но и это ещё не всё. В Больших Лесах нас ждут не только страшные твари. С теми ещё как-то можно справиться. Нельзя справиться с невидимой смертью. – Вонк на минуту замолчал. На его лице чётче проступили мор-

щины. – Среди тех, кто ходил со мной к Большой воде, многие умерли только от того, что, всего-навсего, попробовали ягоды, растущие на кустах. Простые, чёрные, сочные ягоды. Они умерли не сразу. Но тоже очень тяжело, от болей в животе. И если мы пойдём, ни я, ни кто-то другой не сможет никому ничего посоветовать или подсказать. Те ягоды были настолько красивы, что сами просились в рот. И настолько ядовиты, что тот, кто умирал, умирал с криками и проклятиями. А Большая вода... Она кишит своими Охту, в сравнении с которыми наши Охту назойливые комары... Причём, их Охту намного злее наших. А о том, как они голодны, лучше промолчать. Боги Большой воды тоже потребуют долю. Но и это не всё. Там, у Большой воды, живут чужие племена, язык которых нам незнаком. И я очень сомневаюсь, что они обрадуются нашему приходу. Лишние рты никому не нужны. А даже если и будут рады... Нас до Большой воды дойдёт очень мало, и те, кто дойдут, будут вынуждены жить по-другому, не так, как мы привыкли. Те, кто дойдёт, уже не будут нами, нашим племенем. Они станут жалким остатком нашего племени, а потому, должны будут подчиниться новым вождям и стать мужьями и жёнами мужчин и женщин чужой семьи.

– Ну, тебя-то в мужья точно никто не возьмёт! – Хохотнул Лик, но его никто не поддержал.

– А я и не пойду. – Вонк наклонился, взял в горсть перемешанную с пеплом землю. – Поздно мне куда-то идти. Я своё отжил. А вот молодым...

– Ты много сказал, Вонк, – Норк с силой воткнул копьё в землю, – но мы так и не поняли, кого ты поддерживаешь: меня или Хорка?

Вонк приподнял руку, раскрыл пятерню. Пепел вспорхнул, мягко осыпался к ногам охотников. Старик провёл грязной, узкой, костистой, покрытой синими жилками вен ладонью по морщинистому лицу, будто стирая с того печаль:

– Я, как и ты, вождь, тоже сомневаюсь в том, что Боги наказали Шарха за слова, которые тот сказал много дней назад. Если бы Боги хотели наказать Шарха за его лживый язык, они бы это сделали сразу. Но, считаю, что и Хорк прав. Если Боги захотят, они нас найдут и в пути, и у Большой воды. А в чужих, незнакомых краях, спрятаться намного труднее, нежели здесь, в родных пещерах. Здесь нам знаком каждый куст, каждый камень, каждое дерево. Я так думаю, племя Шарха погибло только потому, что они не знали о намерениях Богов. Шарх и не успел никого спрятать. Мы же, в отличие от Шарха, знаем о том, что Боги могут нас наказать. А потому, находимся в более выгодном положении, чем они. У нас есть хоть какая-то возможность, если не спрятаться самим, то хотя бы спрятать от гнева Богов детей и молодых охотников. Так мы действительно сможем сохранить племя. Таково моё слово.

– Мы никого не сможем спрятать. – Норк так сжал копьё, что побелели костяшки пальцев на руке. – Если бы у нас были новые пещеры, я бы с тобой согласился. Но Боги знают, где мы живём. И знают обо всех пещерах, что есть у нас, включая те, где мы храним скот. Все видели, как они заходили в них, когда их птица прилетала в последний раз. О норах Шарха Боги тоже знали. По тому, как они сожгли племя, я сразу догадался: Боги очень хорошо запомнили, где могут спрятаться Шарх и его люди. Мало того: думаю, Боги хорошо запомнили и то, где мы можем прятать наших детей. А это значит, мы должны сейчас, здесь решить: либо уходим к Большой воде, и те, кто дойдут, пусть даже если их останется мало, но они дойдут, и будут жить дальше. Либо мы остаёмся и ждём мести Богов, и тогда погибаем все. Все, потому что, нам негде спрятаться.

– Есть! – Непроизвольно вырвалось из груди Орайи.

Все вмиг обернулись к дочери вождя. Девочке стало не по себе от множества удивлённых глаз, скрестившихся на её маленькой фигурке.

– Что? – Брови отца в удивлении взметнулись. – Что ты сказала?

– Есть ещё одна пещера, о которой никто, кроме меня, не знает. – Орайя кивнула головой в сторону дальних скал и торопливо заговорила. – Я её нашла, до рождения Асии. – Самой

младшей дочери вождя. – Она меньше нашей, и там будет тесно. Но, если стоя, мы все можем в ней спрятаться. И вход в неё совсем не видно ни со стороны реки, ни со стороны леса. Если мы будем в ней, Боги нас не найдут.

Год 2014-й, после Р.Х., Москва, конференция Ассоциации сторонников альтернативной истории (АСАИ).

– Начну с Чёрного моря. – Михайловский смахнул со лба пот и тут же продолжил доклад, боясь потерять нить повествования. – Потому, как данное море, каким мы его знаем, стало именно таким по причине большого цунами и Всемирного потопа, опять же, благодаря ледяной сфере, рухнувшей с небес, в силу определённых обстоятельств, о которых чуть позже. Итак, что собой представляет Чёрное море сегодня, и чем оно было до катастрофы? В 2001 году американская подводная экспедиция во главе с Робертом Валлардом (кстати, именно он нашёл затонувший «Титаник») просканировала дно Чёрного моря до глубины почти в две тысячи метров. И вот что она обнаружила. В первую очередь, так называемых жертв солёных вод, огромные мёртвые колонии пресноводных моллюсков. Многочисленные образцы, которые были подняты со дна моря, показали: биологическая катастрофа в данном месте оказалась просто колоссальной. Погибли пресноводные рыбы, водоросли, планктон, словом, всё, что могло обитать только в пресноводной среде. Тысячелетия понадобились на то, чтобы в новообразованном, с пониженным, в сравнении с океаном, процентом соли водном бассейне прижились средиземноморские виды морской флоры и фауны: дельфины, ставрида, кефаль и так далее, которые до того жили в более солёной среде. Кстати, – докладчик рванул верхнюю пуговицу рубашки: ему стало жарко, – почти такой же, только, обратный процесс, процесс выживания морских видов в пресноводной среде имеет место быть в озере Титикака. По данному озеру имеется две версии. Первая: геологи считают, будто Титикака некогда было одной составляющей с морским пространством, с океаном, и это, по их предположениям, происходило приблизительно сто миллионов лет назад. Такой вывод они сделали по окаменелым останкам морских животных, найденным на берегу озера. Вполне возможно, даже, скорее всего, сразу после зарождения Земли действительно так оно и было, и то подтверждают следы морского прибоя на склонах близлежащих гор. Однако, процесс формирования Земли продолжался очень долго, в результате чего, озеро отсоединилось от моря и превратилось в высокогорное пресноводное водохранилище, с множеством подземных источников. И это произошло также миллионы лет назад. А вот то, что в озере появились морские виды рыб и ракообразных, имеет совсем иную причину. Тут я сторонник большой приливной волны, цунами, которая и занесла жителей моря в пресноводную среду, где тем пришлось адаптироваться, аналогично пресноводным видам флоры и фауны, оказавшимся в точно таких же условиях, только в Чёрном море.

– Иначе говоря, – послышалась реплика, как понял Женька, с пятого ряда, – вы считаете, будто превращение пресноводного озера в Чёрное море и заселение пресноводного озера Титикака представителями морской флоры и фауны имеют одну и ту же причину? И эта причина – ледяной купол? Я правильно понял?

– В том числе и купол. – Уточнил Евгений.

– В таком случае, разрешите с вами не согласиться. – Незнакомец поднялся. Теперь Евгений смог его рассмотреть. Им оказался невысокого роста мужчина, лет сорока, худощавый, но не сухой, скорее, жилистый, с красивой окладистой короткой бородкой, которая придавала ему профессорский вид. В глазах мужчины искрилась хитринка, а в голосе звучала скорее заинтересованность, нежели желание посадить докладчика в лужу. Женька почувствовал: оппонента интересует выяснение истины, а не желание досадить оратору. С подобным Михайловский сталкивался впервые. Обычно на научных конференциях, на которых он присутствовал ранее, оппоненты превращались во врагов и были готовы глотки перегрызть друг другу, лишь бы

доказать свою правоту. – Начну с того, что я тоже сторонник второй гипотезы. И полностью солидарен с вами в том плане, что именно большая приливная волна, невиданных размеров цунами, стала причиной в изменении флоры и фауны в озере Тикикака. Мало того, полностью согласен и с тем, что именно данное цунами, скажем так, подтолкнуло воды Атлантики, вдавило их в Средиземное море, а далее перекинуло морские потоки в будущие Чёрное и Азовское моря. Но, простите, причём здесь ледяной купол?

– Причина заключена в законе сообщающихся сосудов. – Моментально парировал Женька. Он ждал этот вопрос. – Один из законов гидростатики⁵ гласит: в сообщающихся сосудах уровни однородной жидкости равны. Иначе говоря, они постоянно находятся на одном уровне. Самый яркий пример действия данного закона, примитивный строительный водяной уровень. Как только вы начинаете приподнимать один конец уровня, вода тут же реагирует и опускается ниже отметки уровня в том месте, где ваша рука поднимается и, одновременно, вода начинает подниматься на противоположном конце инструмента. Однако, само количество воды в уровне не изменяется. Теперь давайте представим Землю, как один большой, природный уровень. Мы знаем, на Земле имеется определённое количество воды. Мировой океан. Часть воды находится в жидком состоянии, часть – в твёрдом. Лёд. Ещё некоторая часть находится в третьем состоянии, в состоянии пара, который, при охлаждении, снова-таки, превращается в воду. Но, от того, в каком бы состоянии не находилась вся жидкость Земли, её процентное количество неизменно. Оно всегда составляет сто процентов. Конечно, могут произойти некоторые серьёзные климатические изменения, к примеру, глобальное похолодание. В таком случае, в процентном соотношении от ста, некое количество воды замёрзнет значительно больше, нежели то было в предыдущий период времени. Лёд, в результате данной климатической катастрофы, станет в огромном количестве скапливаться на полюсах, образуя огромные ледяные шапки. В данном случае, уровень жидкого, я подчёркиваю, жидкого состояния Мирового океана начнёт падать. Понижаться. Или, к примеру, происходит то, что мы наблюдаем сегодня. Льды тают. Уровень, повторюсь, жидкого состояния Мирового океана повышается. Но, – Женька сделал паузу, – от этого процентная составляющая наличия жидкости на Земле не изменяется. Её как было сто процентов, так и остаётся сто процентов. Да, соглашусь, данный процент может измениться, но только в одну сторону: в сторону уменьшения. К примеру, выпарения воды в космическое пространство, в случае разрушения атмосферного слоя. Но, при наличии атмосферы, сто процентов жидкости на Земле никак не могут превратиться в сто два или в сто двадцать процентов. Лишним процентам неоткуда взяться ни на Земле, ни из-под Земли. Потому, как сто процентов – это вся вода на Земле, в любом из трёх состояний. Однако что мы наблюдаем после Всемирного потопа? Процентное количество Мирового Океана увеличилось на энное количество процентов. На сколько, не знаю. Но, думаю, это можно вычислить, опять же, отталкиваясь от найденных археологических находок. Встаёт вопрос: откуда взялись лишние проценты? Теперь аргументация моей гипотезы.

По идее, огромное, самое мощное цунами, которое когда-либо прокатилось по Земле, и которое действительно принесло планете катастрофические последствия, по логике вещей, и по законам гидростатики, должно было, пусть даже, окатив собой Землю несколько раз, тем не менее, успокоиться и вернуться в пусть и изменённое, пусть в новое, однако, прежнее русло. А Земле оставалось зализывать раны и заново восстанавливать разрушенную территорию. Именно такую картину мы наблюдаем после всех цунами, которые происходили на Земле позднее, в том числе и в прошлом столетии: на Курилах, в Японии, на Аляске в 1957 году. Во всех случаях цунами обрушивались на материки и острова, наносили катастрофические разрушения, после чего обезумевшая вода возвращалась в океан, схлынув с поверхности островов и материков. И вся затопленная поверхность почвы снова становилась сухой. Однако

⁵ Гидростатика – раздел физики сплошных сред, изучающий равновесие жидкостей, в частности, в поле тяжести.

в прошлом сложилась совсем иная ситуация: после ТОГО, глобального катаклизма произошло нечто необычное. После того, как волна вернулась в своё русло, жидкий уровень Мирового океана поднялся на несколько десятков метров по всей планете и остановился на данной отметке по сегодняшний день. Иначе говоря, если до потопа жидкое состояние Мирового океана составляло сто процентов, то после Потопа оно стало составлять сто с лишним процентов, которые мы сегодня принимаем за сто процентов. Именно эти лишние проценты воды и поглотили многочисленные города и иные поселения по всей поверхности планеты. В том числе, Йонагуни, и города Средиземного и Чёрного морей.

Год 11568 до Р. Х., третий спутник от Светила, Эя, координаты местности 014 – 277 (сегодня – планета Земля, север Зейского района Амурской области, Россия)

Орайя отошла шагов на пять от стены, оценивающим, критическим взглядом окинула новый, только что созданный её рукой рисунок, выполненный на более – менее гладкой поверхности камня. Девочка нанесла его куском угля, который подарил Ношу. Огляделась, тяжело вздохнула.

Теперь это не её пещера. Все сородичи за последние несколько дней, цокая от удивления языками, посетили находку дочери вождя. Мало того, по распоряжению Норка, стали сносить дрова для костра, складывая их недалеко от входа, сухую траву, которую плотно, тостыми слоями, укладывали в самом дальнем, не подверженном сырости, углу. Принесли в пещеру и несколько оленьих шкур, развесив их на палках, вставленных промеж стен пещеры. Теперь, с дровами, соломой и шкурами, выемка в скале приобрела жилой вид и была готова принять соплеменников Орайи. Правда, пока заселять пещеру Норк разрешил только ночью, да и то не всем. Днём, по рассуждениям вождя, и его в том поддерживали старейшины племени, находка Орайи должна была оставаться тайной, а всё племя, в полном составе, должно было находиться вблизи старых пещер. Кто знает, насколько зорок взгляд у птицы Богов, которая, в последнее время, слишком часто стала пролетать над их стойбищем?

По этой же причине Норк принял решение и о том, чтобы на вершине скалы постоянно дежурил один из охотников, чтобы успеть вовремя, предупредить о появлении Богов. Охотники давно заметили: птица Богов, когда желала опуститься на землю, сначала начинала кружить высоко в небе, высматривая место поровнее, и только после падала камнем вниз. Того времени, пока птица будет кружить, рассудил вождь, вполне хватит, чтобы успеть спрятать в новой пещере детей, юных женщин и молодых охотников. Остальные, в том числе и он... Их судьба и так понятна. Главное, сохранить юную поросль, будущее племени. Остальное неважно.

Так же, Норк приказал охотникам по очереди дежурить и у входа в пещеру, не на открытой местности, а в кустах: Орайе пришлось рассказать о случае с Охту, за что и получила очередной подзатыльник, только на этот раз не от Вонка, а от отца. Впрочем, вождь тут же прижал её голову к своей груди и поцеловал в затылок. От чего тело девочки обдало горячей волной: отец никогда не целовал её. Он вообще никак не показывал, что любит дочь, хотя все в семье знали, что он души не чает в Орайе.

Рука юной художницы более чётко выделила линии. Теперь Бог на рисунке действительно стал похож на Бога. По крайней мере, так ей казалось.

За спиной послышался шорох песка. Ношу, догадалась Орайя.

Девочка обернулась. Действительно, перед ней стоял внук Вонка. Худой, словно палка, весь в деда, с таким же носом – клювом, густыми бровями, чёрными ягодами глаз и жилистыми, длинными руками.

– Опять хотел меня напугать? – Орайя зло притопнула ножкой.

Ношу только улыбнулся.

Немой мальчишка всему племени был помехой. Конечно помехой, а кем же ещё? На охоту глухого не возмёшь. Для ловли рыбы тоже не годится: только и делай, что следи за тем, чтобы его не сожрал Охту. В охранение стойбища не поставишь: ничего не слышит. Словом, беда. Хоть гони из племени. Мальчишка только с дедом всё время и проводил. Помогал тому делать обувь и одежду для соплеменников: выскребал шкуру, сушил её, следил за тем, чтобы не завелись черви. Но даже собственному деду он тоже иногда мешал. Особенно, когда, вместо того, чтобы работать, задрав голову, пялился в небо. Или когда бегал за мелкими зверьками, в то время как шкура, вывешенная для просушки, мокла под дождём. Впрочем, от одного занятия всё-таки, польза от Ношу была. Глухой мальчишка научился лучше всех в племени ставить силки на птиц. Его силки никогда не оставались пустыми. Всегда возвращался с дичью. И как у него это получалось, для всех оставалось загадкой. Причём, Ношу, для своего нехитрого устройства, предпочитал волосы только от одной женщины племени, Орайи. Что стало причиной для множества шуток. И это злило девочку.

Дочь Норка была ещё далека от замужества. По крайней мере, её совсем не волновали те проблемы, с которыми столкнулась её подруга Кхаата. В отличие от пышногрудой Кхааты, на Орайю никто из мужчин не обращал никакого внимания. Впрочем, и она сама ко всем охотникам оставалась спокойно – равнодушна. Нет, конечно, она понимала, рано или поздно придётся выйти замуж, родить детей... Но когда это будет... Ещё много дней и ночей пройдёт.

А вот у Ношу, судя по всему, интерес к противоположному полу как раз проснулся. Только вот показать свои чувства немому мальчишке оказалось крайне трудно, почти невозможно. Потому, то он и пытался дать знать о них Ораие глупыми, подчас даже примитивными методами. То подойдёт сзади и положит руку на плечо. То подставит ногу на пути. То за косу дёрнет, а после жестами показывает, мол, ему нужен её волос на силки. А в последнее время стал постоянно ходить за ней следом. Она на реку, он за ней. Ягоду рвать – тут как тут. И со всех сторон смешки, мол, козлёнок за козой увязался. А глухой только улыбается, чтоб его, вместе с его дедом....

Вот и сейчас стоит, кривыми зубами хвастает...

– Чего смеёшься? – Орайя положила руки на бёдра. – Ы-ы-ы... – Передразнила мальчишку. – Иди отсюда!

Самое интересное, Ношу всё понимал. Как это получалось у глухонемого, никто не мог понять. Но если ему отдавали какой-либо приказ, или просьбу, при этом глядя в лицо, Ношу всё выполнял точно в соответствии с указаниями. Вот и сейчас, Орайя специально произнесла последние слова ему в глаза. Однако мальчишка, вместо того, чтобы уйти, сделал шаг в сторону скалы. Долго разглядывал рисунок. После чего ткнул пальцем в камень.

– Что? – Спросила Орайя, глядя в лицо Ношу. Тот сжал губы, напрягся, выдавил из себя невнятный звук, и снова ткнул в камень пальцем.

Орайя опустила взгляд.

– Да, это я нарисовала.

Мальчишка затряс головой. Нет, он не на то указывал.

– Не понимаю я тебя... – Чуть не вспылила художница. – Да, я нарисовала Бога. Нельзя рисовать? Стереть? Тебя не спросила, что можно рисовать, а что нельзя. И это не то? А что? Что ты тычешь пальцем...

Ношу быстро наклонился, схватил с земли камень, приставил его к своему телу, в районе талии, после чего прислонил камень к нарисованному туловищу Бога.

– М-м-м-м... – Снова послышался в пещере похожий на стон звук.

– Камень! – Догадалась девочка. – Я нарисовала камень ближе к левой руке?

Ношу радостно замотал головой.

– Но всё правильно. У Богов он висит с левой стороны. – Дочь вождя показала на своей талии, где у Богов находился на коже некий предмет, очень напоминающий камень.

Ношу отрицательно замотал головой. Показал на себе, с правой стороны.

– Ты видел у Богов камень справа?

Утвердительный кивок головой.

– А я видела слева. И хорошо это помню, потому, что видела Богов близко! Вот, как тебя!

Ношу повёл худыми, широкими плечами, цыкнул зубами, на песок упала слюна.

Лицо Орайи вмиг стало пунцовым. Она догадалась, о чём подумал Ношу. А подумал он гадость. О том, что она видела Богов вблизи в тот момент, когда те заставили её раздвинуть ноги...

– Чтоб тебя Охту сожрал! – Зло выкрикнула девочка. И со всей силы ударила глухонемого. Хорошо, тот успел отпрыгнуть, иначе бы оплеуха точно осталась бы печатью на его лице на несколько дней. Мальчишка отскочил вглубь пещеры, разбудив босыми ногами песок, который вспорхнул и тут же осел.

Дочь Норка хотела, было, повторить атаку, но, поняв, что немой именно этого и добивается, решила отомстить иначе:

– Ты такой же врун, как твой дед! – зло выплюнула в лицо глухонемому дочь вождя.

Юноша перестал улыбаться, Сжался, напрягся. Чувствовалось – вот-вот готов ударить в ответ. Глаза превратились в щели, излучали злость. Однако кулаки ослабли, плечи опустились, злость испарилась. Обиженный взгляд окатил Орайю холодом. Сочный плевок упал на песок, тут же свернувшись в катышек. Босая нога юноши – мальчика вдавила его в землю. Ношу резко развернулся спиной к подружке, тем самым показывая ей своё презрение, и широким, уверенным, мужским шагом направился к выходу.

– Ты куда? – крикнула Орайя, забыв о том, что тот её не слышит.

Ушёл. Ну и иди. А то всё время трётся возле ..... Хорошо ещё не лезет со щипками и обниманиями. Не пытается повалить на землю и задрать набедренную повязку, как несколько дней назад это попытался сделать с Кхаатой Лик, за, что та расцарапала ему лицо до крови. Потом молодой охотник ещё получил тумака от матери Кхаату, на этот раз за то, что порвал онуту, верхнюю одежду дочери, когда лапал ту за грудь: теперь нужно одежду либо зашивать, и тогда по центру, от горла до пояса пройдёт грубый шов, либо делать новую онуту. А последнее не просто. Онуту для женщин изготавливали из шкур новорождённых оленят. Такая онуту тонкая, мягкая, приятная на ощупь. Но пойди, найди новорождённого оленёнка: оленята не каждый день рождаются. Вчера утром Лик, молча, ушёл в лес, вернулся вечером. С оленёнком на плече. С живым, связанным! Наверное, скоро поженятся. Конечно, не мать с Ликом, а Кхаату.

Интересно, мысли Орайи ушли в сторону, а если бы Ношу принёс ей оленёнка, как бы она себя повела? Кхаата вчера поцеловала Лика, у всех на глазах. Ношу тоже, что ли, целовать? Ещё чего не хватало! Орайя плюнула на руки, принялась с силой стирать с пальцев уголь. Не дожждётся! А то потом начнёт помогать... И так целыми днями ходит за ней, как привязанный.

Девочка хихикнула, вспомнив, как вчера ночью, у самой дальней стены долго возились брат и его жена. Сопели, тяжело дышали, иногда постанывали. Будущий сородич, который появится на свет через много дней, точно будет совёнком: всю ночь не давали ей уснуть, заставляя тело трепетать от непонятного возбуждения. Затихли, только когда первые лучи Небесного Божества заползли в пещеру, чтоб их Охту утащил...

Орайя ещё раз плюнула на руки, и, отойдя на пару шагов, снова повернулась к рисунку. Получилось. Бог вышел именно таким, каким она его запомнила.

Боги, в своё последнее посещение, долго, очень долго, как показалось дочери вождя, рассматривали её. Отец потом сказал, мол, ей это показалось. Но она знала: это не так. В отличие от остальных девочек и женщин племени, у неё рассматривали всё: руки, ноги, глаза, волосы... Особенно долго рассматривали глаза и волосы. Даже несколько волосков вырвали из головы.

Орайя, единственная из всего племени, носила светлые волосы. А потому, в детстве, из-за них имела массу неприятностей. Как только её не дразнили одноклассники... Сколько раз она специально вымазывала волосы грязью и пеплом, чтобы ничем не отличаться от подруг. Ничего не помогало. Единственное, что решило проблему – время. Как только Орайя подросла, как-то, само собой, девчонки и мальчишки перестали смеяться над ней. Девчонок больше стал интересовать свой собственный внешний вид. А мальчишек – не цвет волос девочек, а формы их тела. Впрочем, таковым Орайя как раз похвастать и не могла, а потому ею вообще перестали интересоваться. Что, впрочем, её особо не расстраивало. По крайней мере, пока. Вот только Ношу, в последнее время, стал досажать. Ну да ничего, найдётся и для него своя Кхаата.

Жаль, уголёк закончился. Хотелось нарисовать и птицу Богов. Придётся отложить до следующего раза. Орайя ещё раз окинула взглядом «картинную галерею», после чего присела на песок, прижавшись спиной к тёплому камню скалы. Закрыла глаза. Вспомнила вчерашний вечер.

Отец впервые попытался поговорить с ней, как со взрослой. Рисунки, сделанные ею в найденной пещере, потрясли вождя до глубины души. Но попытка так и осталась попыткой.

Как ни странно, племя спокойно отреагировало на наскальное творчество дочери вождя. Никто не смеялся, впрочем, никто их особо и не рассматривал. Не до того было всем. И оно понятно. Сейчас главное обустроить пещеру, подготовить её. А балуется Орайя с угольком, или нет – Охту с ней. Главное, спастись от наказания Богов. Единственные, кто долго разглядывал живопись Орайи, были отец и Вонк. Именно после посещения пещеры, отец и решил поговорить с дочерью. И начал с того, что напомнил Орайе о том, что его жена не её мать. Орайя об этом знала давно. Жаль, конечно, что не от отца, да какая разница? Впервые ей об этом сказал брат, когда они охотились на мелкую дичь вблизи реки. Орайя не помнила, что она сделала, но брат тогда сильно ударил её по спине, больно и очень обидно. Девочка, помнится, крикнула, что всё расскажет матери. Вот тогда тот и бросил ей в лицо, будто их мать им вовсе не мать. Что их настоящую мать Боги забрали к себе, когда Орайя была совсем маленькая и ещё спала в шкуре Ани. Выкрикнув всё это, он упал на траву. И заплакал. Потом обнял её за плечи. Прижал к себе. И вся обида прошла.

Осуждать отца в том, что он вторично взял в жёны другую женщину, никто не имел права. В том числе и родные дети. Каждая семья в их племени должна была иметь и отца, и мать. А кто будет следить за малышами, когда мужчины уходят на охоту? Кто будет собирать ягоду и плоды? Кто будет ловить рыбу? А кто будет обшивать мужчину? К тому же к Негде, неродной матери, у Орайи не имелось никаких претензий. Женщина следила за ней, как за родной дочерью, ничем не выделяя её от своих родных детей. А потому, можно было бы и не напоминать о том, что у Орайи нет родной матери. Зачем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.